

ВРЕМЯ ЖИВОТНЫХ

Виктор СБИТНЕВ

г. Кострома

повесть-притча

Вместо эпиграфа

Почему-то ни корову Дочку, ни телёнка Яшку, ни тем более Тузика Иван никогда не считал животными. И бабушка его от души возмущалась, когда он вслух заучивал по учебнику, что медведь, волк и заяц — это дикие животные, а корова, свинья и собака — тоже животные, но домашние. «Какие же они животные? — говорила она, призывая Богородицу и угодников в свидетели. — Да наша Дочка умнее Фурцевой! Яшку с внуком Ванечкой я одним молоком на кухне выпаивала! А Тузик и полотенце деду всегда принесёт, и николи без толку не воеет, как эти нехристи серые на луну! Вот новый ветеринар, который пьёт у себя в тарантасе с казённой лошастью, от — животное! И жёнка его, Ванечкина учительница, прям так и говорит, когда он выпивши: дескать, вы, Фёдор Филиппович, скотина! Вот и пусть в своей семье у неё животные, а детей в школе с толку не сбивай!» И Иван, решительно закрыв учебник, шёл на лужок под вётлы, где можно было просто лежать в тени и, слушая нескончаемую перебранку сорок, воображать, как когда-то очень скоро бегущие по небу облака достигнут безнадежно далёких стран с такими диковинными животными, которых не определит даже его мудрая бабушка.

Пролог

За весну Иван не управился. А июнь, как он ни надеялся, с первых дней не желал затенять дорвавшееся до зенита светило ни плотными грозowymi штуками, ни полупрозрачным перисто-кучевым тюлем, хоть он об эту пору — и самое привычное над головой небо. И вот теперь раскалённая «звезда по имени Солнце» беспрепятственно жгла не прикрытое лесом живое. Всё явственней ощущал прибитый зноем мужик, что вот-вот этот нарастающий ток небесной энергии сбросит его со стропил, как легковесный пук выветренного тряпья. Причём заметно отошавший за последние дни его зад неминуемо примет на себя хищно загнутая вверх ржавая заноза. Этой случайно попавшейся под руку «железкой» он спозаранку, в полусонном мороке, прижал к стене куб соснового свежака, который за бесценку купил третьего дня под артикулом «доска гробовая, стандартная». Покрепче ухватившись за перекинутые через конёк вожжи, Иван отчаянно потрянул головой... в намерении выкинуть из неё не к добру всплывший в памяти «артикул».

— А схожу я, друг ты мой, на ручей студёный! — сказал он кому-то невидимому. — Работа не рота! Может и год простоять!

Сползать было легко, поскольку вожжу держали тяжёлые лестницы, надёжно приставленные к Иванову строению с обеих сторон. Оказавшись на мягком, присыпанном стружками грунте, Иван услышал характерный, исходящий из-за леса сухой щёлк попеременно с протяжным гулом, и в какой-то надрывной истоме прикрыл набрякшие от первого комарья веки. «Отчего мне не слышно этот шум там, высоко на крыше? Оттуда этот полигон практически виден, особенно в сумерки, когда начинаются ночные стрельбы, — не впервые задумался он. — Отчего эти металлические неживые звуки среди мирных лесов так настойчиво жмутся к земле? А там, в пепельных горах, всё звучало совсем наоборот: чем выше — тем звонче и убийственней...» И он опять печально пропел для кого-то вслух:

— Та-та-та! Тум-тум-тум!

Но из-за ручья ему вновь по-свойски крикнули, и он поспешно стал стягивать со спины мокрую рубашу.

Тут надо сразу заметить, что окрестная живность особо выделяла Ивана среди остального дачного люда. Да и он после возвращения из так и не покорённого Афганистана уважал зверьё несколько больше, чем своих двуногих собратьев по виду, которые в одночасье снесли ему часть черепа, лишили глаза и нескольких пальцев на правой руке. Без глаза ему было даже удобней целиться, в том числе молотком по гвоздю или топором по плашке, а вот пальцев частенько не хватало, особенно сейчас, когда взялся за пилу и лобзик.

...Он подкрался к ручью из-за кустов ивняка, но сразу подходить к воде не стал, а осторожно залёг за поваленной паводком ольхой. Ручей, впрочем, был не совсем ручьём, а скорее небольшой, стремительно бегущей к лесному озеру речкой. Вода в нём (в ней?) то убывала, то прибывала, как на Беломорье, куда он очень давно, ещё школьником, ездил с матерью к её первому мужу и своему настоящему отцу. Второй материн избранник даже отчимом ему стать не успел, поскольку через год, как поселился с ними под одной крышей, получил большой срок за «хищение социалистической собственности» и сгинул где-то на северах.

В общем, бегущая вода всегда располагала Ивана к воспоминаниям своего как хорошего, так и печального прошлого, — и последнее, как он не раз убеждался, лёжа на этом влажном супесчаном берегу, отложилось в его памяти куда больше.

Сейчас думать о печальном не хотелось, потому что знакомая кряква доверчиво чистила подкрылки прямо под ним, а пара небольших ужей силилась преодолеть течение саженью выше, над бетонными плитами старой военной дороги. Иван осторожно скинул утку корку ржаного хлеба и звучно щёлкнул здоровыми пальцами левой руки, что было предупреждением о твёрдом намерении искупаться. Держа в клюве угощение, утка неторопливо расправилась и глиссером ушла с открытого для обозора пространства.

Где-то под занавесью ивняка её поджидали совсем ещё крохотные, но уже вполне благо-разумные утята, которых Иван успел угадать по мелкому дрожанию осоки. Поднявшись

над деревом, стряхнув с плотных защитных мостков речной песок и прилипший кое-где береговой сор, усталый строитель кое-как сполз по травянистому пологу к воде и, оценив её зыбким касанием стопы, окончательно разделся. То есть совсем догола, даже не осмотрев, как водится, округу — нет ли где случайного женского глаза.

Для полноценного заплыва ручей был явно мелковат, поэтому купальщик ограничился долгим лежанием вниз головой с регулярным пусканием пузырей и звучным похлопыванием себя по уже схваченным загаром бокам и белому, как первый снег, заду. Вода была ледяной, словно только из колодца, но если бы кто-то в это время наблюдал за происходящим, то наверняка подумал бы, что вот лежит голый раскрасневшийся мужик в городской ванне и ловит себе парной кайф!

Впрочем, Иван и в самом деле его ловил, ибо с детства купался в горных реках, а в зной привык обливаться из колодца. Да и Афганистан не прошёл для него даром: там, на сорокаградусной жаре, понятия «ледяная вода» не было в принципе. Иногда в кишлаках попадалась вода отравленная, и даже страдающие от жажды держались от неё подальше — в надежде, что местные жители к этому непричастны и укажут какой-либо иной пригодный для употребления источник. Иван мельком вспомнил раздутые на жаре трупы осла и его нетерпеливого хозяина, которые побывали возле отравленного колодца за несколько часов до них, и уселся на намытую кочку.

С противоположного края бетонной переправы его с любопытством рассматривали поспешающие к воде бурёнки. Пастуха рядом не было, а потому купальщик долго растирал голое тело прихваченной фланелевой тряпичей и лишь потом неторопливо натянул чистые сатиновые трусы. Расценив эти Ивановы действия вполне адекватно, коровы забрели в «освободившуюся» воду и принялись медленно пить, шумно выпуская ноздрями воздух. Потом одна из них лихо задрала хвост и стала с удовольствием мочиться. Пенистый шлейф, проплыв мимо Ивана, уже исчезал в ивняке, а корова всё не прекращала своё занятие. Не только Иван, но и две её товарки смотрели на

происходящее в некотором изумлении. Наконец из-за ольшаников появился смешно одетый пастух, следом — всё стадо. Иван сделал им ручкой. Пастух в ответ тоже махнул ему — в том смысле, что, дескать, ты свою помывку оформил — теперь наша очередь, — и достал початую бутылку какой-то мутной жидкости.

По дороге к садовому участку Ивана сопровождали суетливая трясогузка, две синих стрекозы, несколько пёстрых мотыльков и... едва уловимый аромат отошедших ландышей. Его неспешное возвращение заняло меньше четверти часа, но и этого на сей раз ему хватило вполне, чтобы где-то там, на безнадежно далёком экране минувшего, отсмотреть всю свою взрослую жизнь до недавно упавшего за спиной занавеса.

Взявшись за тёплую дубовую ручку позавчера навешенных ворот, Иван вдруг отчётливо понял, что строит себе последнюю пристань. Но здесь уже не придется кого-то и чего-то ждать, — только жить среди этих лесов какое-то время, изредка отлучаясь по необходимости. А потом, через год-другой, одиночество перестанет его удивлять, перейдя в обыденную житейскую неизбежность. Это произойдёт так же незаметно, как происходило всё самое значительное до занавеса в его штатском времени, на излёте которого люди стали меняться или уходить вовсе. Родные, друзья, любимые... Не изменились только вот эти подпирающие небо сосны, да беспечные птицы в их кронах, да наивные животные под ними.

Глава первая

Иван оказался в Кабуле по глупости и, как потом оказалось, на финише последней советской одиссеи, когда все сметливые вояки, уже успев пройти «афганский предбанник», плотно пристали к цивилильным городам, а то и винтили на кителя бугристые академические «поплавки» — самые надёжные пропуска в заветный круг старшего офицерства. Нет, он не стал бы финтить и отбояриваться, если б ему приказали, — дескать, Родина посылает тебя в составе ограниченного контингента СА помочь нашим афганским товарищам. Пошёл бы, хоть

и знал про «товарищей» много больше, чем нюхавшие вокруг атмосферу особы. Но получилось так, что не пойти он просто не мог.

А всё этот его странный университетский друг Лёва Клушин, которого словно специально прислали в их часть с какой-то мутной инспекцией на предмет исчезновения нескольких единиц стрелкового оружия. Пропало оно на марше, в предгорьях Памира, чёрной как смоль азиатской ночью, когда неожиданно из-за горы накатило грозное облако и всё по-неслось с потоками вниз: еле-еле людей удалось уберечь, а уж об имуществе и думать забыли. Потом выяснилось, что из-за убийственной усталости всего личного состава место для лагеря выбрали поспешно, не учтя погодных сюрпризов высокогорья. Молодой командир части, к тому же генеральский отпрыск, якобы серьёзно повредил ногу и был срочно эвакуирован вертолётном, а потому прибывшие на третьи сутки посредники вплотную вышли на его заместителя, то бишь на гвардии капитана Ивана Шитова. Увидев в их числе печально знакомого Клушина, Иван понял, что его как минимум разжалуют, а то и посадят.

Клушин принадлежал к числу так называемых мнимых друзей, которых в народе ещё называют «наседками». Люди этого типа поначалу очень располагают к себе этакой подчёркнутой интеллигентностью и умением слушать других. Они всегда расспросят о возникшей проблеме, помогут по мелочи, дадут дельный совет, вполне искренне посочувствуют — короче, поведут себя ровно так, что очень скоро станут практически необходимыми, почти органичной частью тебя самого. И сам того не замечая, ты вскоре станешь делиться с таким человеком весьма деликатной информацией о себе самом, своей семье, родных, друзьях, планах на будущее. А этого делать нельзя... никогда и ни при каких обстоятельствах!

Клушин воспользовался полученной информацией сполна: сначала он стал ненавязчиво советовать Ивану, чтобы тот не отягощал себя высосанными из пальца проблемами молодой жены, выпущенной из университета годом раньше, да ещё с красным дипломом. А она, и в самом деле маясь вдруг возникшей неопределённостью, то рвалась в аспирантуру,

где собиралась готовить диссертацию по любимому ею Державину, то — в питерскую школу, где ей предлагали специальный класс с литературным уклоном, то вдруг начинала стелать по поводу одиноко живущей матери-пенсионерки, у которой, кроме неё, больше никого в целом свете.

Не по годам мудрый Клушин несколько раз умело остужал вновь и вновь вспыхивавший пыл беспокойного Ивана: дескать, брошу всё и переведусь на заочный. «Отставить, Ваня, — листая томик не то Геродота, не то Платона, размышлял всегда благоразумный Лёва. — Во-первых, уходить за несколько месяцев до окончания университета — это неумно с любой точки зрения. Во-вторых, её ты этим не переменишь, не расположишь к себе, а, наоборот, убедишь в своей полной моральной зависимости, несамостоятельности, что для мужика смерти подобно! А есть, мил друг, ещё и в-третьих, и даже в-седьмых. Ты вот лучше, как Диоген, — Клушин при этом, казалось, нашёл что-то нужное в философском издании, — посиди подольше в бочке, то бишь в сортире, и подумай... о вечном».

В конце концов, не нашедшая в Иване участия жена Ирина собрала чемоданы и подалась из крохотной общежитской комнатки, которую они занимали, к городскому вокзалу, даже не пожелав взять мужа в провожатые.

Далее Клушин стал интересоваться возможностями Иванова отца-полковника, который преподавал в военной академии войск РХБЗ (радиационной, химической и бактериологической защиты). И делал Лёва это столь искусно, что очень скоро тот не только приехал к сыну в университет, но и тесно сошёлся с его другом Лёвой.

А Клушин рассказал за бутылочкой специально запасённого им «армянского» об их с Иваном потаённых планах на воинскую карьеру, которая вот-вот де вполне может стартовать после вручения дипломов и окончательного распределения. «Мы, Василь Васильевич, — доверительно вёл разговор к заветной цели Лёва, — хотели бы с Ваней по военной части двинуть. По военной... Я полагаю, вы меня куда лучше нашей штатской профессуры поймёте, — нам, как целеустремлённым мужи-

кам, вернее по жизни будет двигать. Да и своих близких огорчать меньше будем. А то в Иване тут ещё какая-то блажь о преподавании завелась, а он стесняется попросить вас о содействии. Мне, согласитесь, это куда как проще. Лейтенантами нас, конечно, возьмут и так, даже с большим удовольствием, но весь вопрос — куда? Можно Робинзоном Крузо на точке оказаться, а можно и как-нибудь по-людски устроиться. Мы всё ж таки философский факультет старейшего российского университета окончили, а не сундуки с училищного плаца!»

В результате рассудительного Клушина послали командовать академическим взводом obsługi под нестрогий глаз полковника, а более щепетильный Иван с лёгким сердцем уехал в береговую охрану Каспийской флотилии, где наслаждался тонким ароматом цветущей алычи и кислой прелью козьего сыра.

Потом они встречались ещё несколько раз, после чего окончательно повзрослевший и переживший преждевременную смерть отца Иван с некоторой досадой на людские несовершенства понял, что Клушин — никакой ему не друг, а самый обычный хитрец-упырь, ловко использующий чужую доброту и доверчивость в своих личных интересах. Потому всеми правдами и неправдами он приглушил в Иване мысль о преподавательской карьере и жену Ирину от Ивана отшил, ибо ему в то время, перед выпуском, было выгоднее иметь Ивана сыном полковника, выпускником военной кафедры, другом-студентом, стоящим перед выбором, как и он сам. К тому же Клушин оказался ещё и банальным квартирным воришкой, которого однажды Иван застал за осмотром содержимого шкафчиков осиротевшей отцовской квартиры, из которой и раньше после Лёвиных посещений пропадали редкие книги, украшения и иные ценные вещи.

Однако, застигнутый за сим неприличным занятием, Клушин очень быстро пришёл в себя и с невозмутимым видом заявил, что, несмотря ни на что, Иван всё равно ничего не докажет, а потому было бы благоразумнее им просто расстаться, не тратить времени на бессмысленные разборки и не портить друг другу карьеры. «Я даже возвращать тебе ничего не

стану, — сказал со снисходительной улыбкой Клушин, — потому что любое моё действие такого рода есть прямая улика против меня. А ты чересчур горяч и поспешен с выводами. Да, жизнь свела нас и даже несколько сблизила, но это ровным счётом ничего не значит. Мы разные, и теперь нам не по пути».

Иван ударил его всего один раз, а потом, вытащив судорожно дергавшееся тело вчерашнего друга на площадку, поставил его на четвереньки и припечатал меж ягодиц пыльной попошкой полевого берца. Так закончилась эта почти десятилетняя дружба.

И вот судьба вновь свела их в ненужное время в неприятном месте. Клушин, вне всякого сомнения, знал, «в гости» к кому он жалуется, а потому при встрече был лаконично вежлив и даже вполне дружелюбен. Но Иван отлично понимал, что это всего лишь муляжная позиция, а точнее сказать, умело поставленная дымовая завеса для сокрытия перехода к атаке. Так и случилось.

Уже наутро, сразу после завтрака, старший группы посредников из округа майор Клушин вызвал исполняющего обязанности командира части гвардии капитана Шитова не на беседу, но на протокольный допрос. В просторной штабной палатке Иван увидел стол с папками и три колючих взгляда, направленных в его сторону. Клушин — он сидел в центре — при его появлении склонил голову над характерным зелёным листом и стал что-то поспешно писать, а два капитана изучали вошедшего с почти физиологическим интересом. «Так, — подумал про себя Иван, — предварительная работа определённой направленности Клушиным уже проведена. Хорошо ещё, что капитаны не из интендантских, а, видимо, привлечены по случаю. Бардак кругом, перестройка и шальные ветры перемен. Надо ситуацию использовать и прикинуться тупым служакой, у которого от горбачёвского ускорения крышу сносит. Клушин это, конечно, поймёт, но не в его интересах выводить меня на какие-то прямые разговоры, на непредсказуемые детали и подробности...»

— Товарищ капитан, — поднял голову майор Клушин, — представьтесь ещё раз. Таков порядок.

— Заместитель командира отдельного батальона связи гвардии капитан Шитов Иван Васильевич, — внятно проговорил, словно прочёл где-то у себя в голове, Иван.

Удовлетворённо кивнув, Клушин назвал сначала себя, как старшего, а затем — своих помощников. Далее Ивана попросили рассказать о сути произошедшего в части приблизительно в ночь с 22-го на 23-е, о его видении ситуации и осознании той ответственности, которая непосредственно на нём лежит.

Иван рассказал и о случившемся, и об ответственности, подчеркнув, что места вокруг непроходимые, местные очень далеко. Поэтому, скорее всего, три единицы «АК-74», как и часть продовольствия и амуниции, смыло потоком в ущелье.

Капитаны озадаченно молчали, Клушин саркастически улыбнулся. Видимо, наступал его звёздный час, этаким сладостный момент мщения. «Вот только интересно за что? — спросил себя ставший вдруг безучастным Иван. — За то, что случайно застал тебя за воровством отцовских портсигаров и золотых часов? За вынесенные тобой раритеты Державина и Жуковского? Или за бабушкин ларчик с золотыми кольцами и медальоном с фото матери?»

У Ивана предательски задрожали руки, и он отчётливо понял, что валять ваньку перед Клушиным не сможет. Он вообще не любил ни коммунистов — ни диссидентов, ни «совков» — ни антисоветчиков, ни Сталина — ни Горбачёва. Он даже маршала Жукова считал виновным в неоправданно больших потерях под крохотным Ржевом! А тут какой-то беспринципный проходимец и клептоман Лёва Клушин... с подозрениями, что он мог продать басмачам автоматы и, возможно, ещё какое-то имущество части. И как можно что-либо доказать здесь, в горах, когда невесть откуда взялись эти грозы и сели, а больше половины личного состава батальона — салаги, которые и присягу-то приняли месяц назад?!

— Позвольте вам сразу заметить, товарищ капитан, — поплыл под грязно-зелёные своды палатки показательно-скужающий голос Клушина, — что горы, которые нам с вами, может, и кажутся непроходимыми, для местных чаба-

нов — самая что ни на есть удобная для перемещения местность. Они здесь родились... и их отцы тоже, и деды, и деды дедов. И все они, заметьте, так сказать, с легендарных времён жили контрабандой — и оружием в первую очередь! А автомат Калашникова нынче на Востоке — самый ходкий товар. Они даже детей своих «калашами» называют! Это с одной стороны. А вот с другой... — Клушин сделал многозначительную паузу, достал носовой платок и, чему-то загадочно улыбаясь, тщательно вытер им лоб и шею.

— Позвольте, товарищ майор, — неожиданно вклинился капитан по фамилии Топыкобыла, которого Клушин аттестовал как военного юриста. — Гвардии капитан, очевидно, не осознаёт, что в части практически налицо уголовное преступление — хищение табельного оружия. До сих пор так и не выяснено, как и по какой причине трое военнотружущих утратили свои автоматы, которые в полевых условиях всегда должны быть при них! До сих пор вся эта троица находится в расположении части. Вероятно, бойцы общаются с сослуживцами и друг с другом... имеют возможность заручиться свидетельскими показаниями, уничтожить улики и прочее. То есть, с другой стороны, товарищ майор, мы, вполне возможно, имеем дело отнюдь не с... так сказать, коммерческими мотивами. И не наживы ради это оружие и наверняка патроны к нему были переправлены из части...

Иван, нетерпеливо мотнув головой, сказал простуженным сипом:

— Товарищ капитан, мы не в суде, а в расположении вверенной мне войсковой части, находящейся в походных условиях. И не просто в походных, а в чрезвычайных. Сегодня в шесть по Москве о введении ЧС меня оповестили из штаба дивизии. Можете позвонить туда сами. У соседей из арtdивизиона, кстати, уже полдюжины «двухсотых», там сель унёс в ущелье «Акацию» с экипажем и два «Урала» с патронами к этим самым «семьдесят четвёртым», чьими именами басмачи так любят называть своих сыновей!

На минуту в палатке повисла странная тишина, нарушаемая лишь клушинской привычкой цыкать зубом. Потом был объявлен

перерыв для «прояснения ситуации» и «получения новых вводных».

Как потом поведал Ивану всё тот же Топыкобыла, расследование можно было закрыть «одной левой», но вредный майор заставил их опрашивать бойцов и настриг-таки материала на Иваново служебное несоответствие...

В отместку Иван поведал немолодому уже капитану историю их с Клушиным дружбы и посоветовал осторожному украинцу быть при «больном клептоманией» начальнике максимально бдительным и беречь кошелёк... Топыкобыла от неожиданности даже перекрестился в испуге, но поблагодарил Ивана за предупреждение вполне осознанно.

По возвращении Иван написал комдиву рапорт с просьбой отправить его «за речку». Последнее в создавшейся ситуации устроило буквально всех: от командующего округом до дивизионного особиста, которому осталось до полной выслуги три месяца и десять дней...

Глава вторая

Поначалу Ивану думалось, что ничего особенного в Афганистане он не увидит: горы и горы! Да, на севере они — одни, а на юге — другие. Но он хаживал и в тех, и в других. Однако никакие рассказы боевых офицеров не смогли и частично подготовить его к той атмосфере, в которой пришлось больше года не только служить, но выживать самому и сохранять жизни своих подчинённых.

Шитов не удивился, что вместо батальона получил в подчинение всего лишь отдельную роту. Хотя это была особая рота, которая перемещалась по стране с проворством военной разведки. Поэтому он увидел всё: от Баграма до Джелалабада, и по Салангу ездил не единожды. А были ещё Кандагар, Герат, Шинданд, Панджшер и Газни. И народы повсюду жили разные, говорили на разных языках. Известный на весь мир повстанец Ахмад Шах — панджшерский таджик, а южнее Кабула — сплошь пуштунские кочевые племена, для которых не существовало ни границ, ни народов, ни государств: что Афганистан, что Пакистан — один чёрт!

Приходилось Ивану хаживать и в туркменских зонах, и в узбекских, и в индусских. Основная база у роты располагалась на высоте чуть более двух тысяч метров, именно в этом довольно разреженном воздухе чаще всего и звучало эхо войны: «Та-та-та! Тун-тун-тун!» На трёх тысячах и выше сияли вечные ледники, там попросту негде и не за что было воевать!

Вообще, никакие даже самые точные карты не говорили о характере местности и климате ровным счётом ничего. Всё решала высота над уровнем моря даже в пределах одного города — например, Кабула, раскинувшегося на горном плато — дне древнего озера. Оно высохло, потому что его пронзили безжалостные, как зазубренные пики, бугры деформированных извержениями пластов, вырвавшиеся из недр земли.

С самого высокого из них — того, на котором, как божий перст, торчала телевышка, — с началом сумерек на город устремлялись слепящие лучи мощных прожекторов. По понятным причинам, они давали нашим целеуказание, но Иван мог с уверенностью сказать, что нормальной ночи он в афганской столице никогда не видел. В этих столбах света исчезало всё, даже следы от случайных реактивных снарядов.

Ещё больше поразил Ивана кабульский серпантин. Впервые, поднимаясь по нему с плато на вершину, к вышке, он увидел внизу целый город разбитой техники! Несколько моторизованных дивизий — не иначе! Едешь не спеша и сочиняешь про себя, как известный композитор, «времена года»: внизу — знойное лето, в середине — то ли прохладная весна, то ли бархатная осень, а на самом верху — зимняя метель играет снежными смерчами. И первое время Иван никак не мог сосчитать, сколько километров они проехали: пять или сорок пять?

Один бывалый прапорщик-картограф так и пошутил, угощаясь Ивановой «Мальборой»: «Если карту Афгана растянуть, то она, пожалуй, покроет весь Союз». Менее чем через полгода Иван понял, что это не шутка, как и всё здесь, казавшееся поначалу диковинным, экзотичным и даже не вполне реальным. К примеру, река Панджшер образует на многие километры по берегам самую зелёную и мирную долину страны, но именно из Панджшерского ущелья в СССР приходило больше всего гро-

бов. Даже отчаянные сорвиголовы лишний раз не спешили «щупать зелёнку».

Первое испытание на полный износ настигло Ивана в горах, во время марша из Гульбахра в Газни. Через Газнийский перевал перетаскивались в полном снежном мороке, а перевалив, поняли, что самое тяжкое только начинается. Поставить смёрзшуюся, скукоженную палатку на пятьдесят шесть человек удалось лишь перед угрозой гибели всего личного состава. Как они вбили два огромных центральных столба, смог бы рассказать разве что сам Господь! А было ещё четыре входных, полтора десятка стенных и штук сорок кольев! Потом, укрывшись от вьюги под кое-как натянутым брезентом, Иван не нашёл в себе сил даже на то, чтобы проглотить манерку ледяного спирта... А наутро, едва успели разлепить глаза, пришёл приказ о срочном выдвижении на блокировку караванов с оружием, которое только что подвезли духи из Пакистана. Пока подходили спецназ и разведроты ВДВ, пришлось ползти по окрестным горкам, подрасть колени и локотки о разномастную местную колючку вперемешку с колючкой железной — ржавой и потому особенно неприятной для разгорячённого потного тела. Шутка ли, караванов в горы двинулось целых восемь, а троп в округе разведка насчитала около ста! Бой завязался сразу в нескольких местах, причём духи отстреливались из всего, что только способно стрелять в принципе: от «АК-47» и ДШК до РПГ и снятых с БМП «Громы». Как потом сообщили по эстафете, караван, с которым они завязались, состоял из шестидесяти четырёх джигитов: плененных не было, вместе с китайским оружием в горах нашли пятьдесят два трупа. Двенадцати провожатым удалось уйти. Но и такая удача пришла благодаря вертолётам, которые подключились, как только распогодилось.

Отдыхали несколько дней. Иван погулял по советской части Кабула, поглядел на местные обычаи, сразу обратив внимание на женщин: многие не носили паранджи и даже улыбались при встрече. На небольшом импровизированном рынке какой-то вертлявый мальчуган в солдатских галифе продал ему пару папирос с «дурыю» и бутылку пепси. Уже имевший опыт «афганского курева», Иван с час наслаждался

возле воды одиночеством, на всякий случай сняв свой АКМ с предохранителя. В сонном мозгу шевелились полузабытые и оттого по-особому манящие образы погибшей мамы, сбежавшей жены, умершего от инсульта отца и двух случайных девушек, за которыми он ухаживал прежде. Ещё он отчётливо ощутил вдруг запах родной деревенской лужайки и шершавый язык Тузика на своей обожжённой солнцем щеке. И тогда где-то очень глубоко в душе, уставшей от неприятных перемен, родилось и обрело свой чёткий эмоциональный отенок желание: вот вернусь на гражданку и обязательно заведу себе за городом дачу с лужайкой, яблонями и собакой или хотя бы котом. И больше ничего не надо. Остальное приложится...

После этого Иван ещё несколько раз попадал в переплёты, один из которых мог стать для него последним. Сколько раз он обещал себе не лезть без нужды на рожон в этом чужом для всякого русского человека крае, но однажды таки поддался на уговоры своего старого знакомого и бывалого разведчика Жорки Гесса. Дело было близ гидроэлектростанции, пользующейся у военных дурной славой «коварного магнита», который притягивать притягивал, но отпускать не отпускал. А тут неожиданно пришла весть о «свежем» схроне с оружием. Война шла к концу, а многие ещё не успели как следует отличиться. Стали кликать охотников и составлять БЧС — боевой численный состав. Иван сперва отошёл в сторону, но весельчак капитан Гесс по-приятельски стукнул его в плечо:

— Пошли, Ваня, не пожалеешь! Никакого риска, я тебе обещаю. Ну, и кроме того, там не только оружие, но и море японской электроники и шмотья: от магов до дистанционных телевизоров. Ты, небось, о таких разве что слышал вполуха?! А тут разрешили посылки в Союз слать... крупногабаритные. Я на мамку вышлю, а ты — на мою сеструху. Скоро — домой: приедешь, а там тебя музыка клёвая ждёт, видак, камера «Соня» или «Грюндик» какой-нибудь, джины «Вранглер» там или «Левис». Это здесь, кроме пайки да пойла, ничего не надо, а в Союзе и на тряпки потянет, и женщины начнут кидать взыскующие взоры. А на

тебе вместо джинсов и лёгких как пух кроссовок с тремя полосками — линиялая камнеупорная «защитка» от минобороны и «Скороход» — по два кило каждый ботинок.

Мысленно уже блуждавший по питерским проспектам Иван неожиданно для самого себя беспечно махнул рукой. «Да и орден для продолжения службы не помешает. Что же я, хуже какого-нибудь Клушина, который уже наверняка своей хитрой задницей высидел если и не орден, то квартиру уж точно!» — предательски шевельнулась успокоительная мысль напоследок.

И они рванули напрямки, без разведки, только что не с песнями. Потом Шитов несколько раз, словно в бреду, вспоминал эти неотвязно преследовавшие его сцены расправ над ранеными бойцами: гортанный выкрик, характерный, леденящий душу хрип — и красная прореха от уха до уха... Группа, метнувшаяся на пакистанский караван, потеряла убитыми тринадцать человек, ранеными — больше сорока. Из них несколько человек умерли потом в госпитале. А вместо «панасоников» и удачного продолжения службы Иван приобрёл стеклянный глаз и досрочный дембель из вооружённых сил трещащей по швам державы.

Тяжёлое для Ивана это было время, ибо даже и с боевым орденом (за тяжёлое ранение почти всегда полагалась Красная Звезда) в Союзе его особо никто не ждал. Так несколько раз прямо в лицо и говорили, отказывая в приёме на работу: «Мы вас туда не посылали! Нам эта война побoкy!» И обижаться было глупо. Разве что на самого себя... Сначала за то, что пустил к себе в душу эту гниду Клушина, а потом — что поддался на уговоры везунчика Гесса. Но везунчиком капитан оставался только до этого разгрома на ГЭС. Пропал Гесс начисто, даже останков его не нашли. Говорят, разметало его противотанковой миной, а соскребать со стен не было времени.

Глава третья

Несколько лет Иван жил как-то незаметно для самого себя. Примерно так живут старослужащие после объявления приказа министра обороны о демобилизации. После каждого отбоя молодые бойцы хором поют им одну и

ту же «колыбельную»: «Дембель стал на день короче: старикам — спокойной ночи...» Вот и Иван после своего возвращения из афганской преисподней каждый вечер смотрел на закат и бормотал с детства памятные благодарения то святителю Иоанну, то святой Богородице, которая смотрела на него из красного угла, а то и отцу своему, который пуще всего предостерегал от необдуманных действий. Маму Иван почти не помнил, лишь не забывал произносить её имя перед сном и ставил свечку на помин души, когда заходил в церковь.

Много лет прошло после возвращения. Несколько раз на его горизонте возникала бывшая жена Ирина, успевшая развестись за это время с ещё двумя мужьями, от которых имела по дочери, но прежних отношений меж ними уже не возникло, хоть она и намекала, что готова остаться на ночь и всё такое. Иван из деликатности согласился: мол, оставайся. Видимо, получилось у него это таким образом, что гордая Ирина стремительно исчезла и больше уже никогда не появлялась. «Ну, хоть за это тебе, Лёва, спасибо!» — только и сказал про себя Иван, которому если и хотелось женского общества, то совсем иного.

Однажды, как ни странно, Шитов получил его, женское общество то есть, там, где меньше всего ожидал, — в редакции газеты «Курьер», куда пришёл подавать объявление о покупке садового участка с домиком неподалёку от города. Когда Иван неторопливо заполнял предложенный сотрудниками бланк, кто-то осторожно тронул его за плечо — поднял голову и... пропал. На самом деле он понял это несколько позже, когда метался по оставшейся от отца квартире, соображая, почему всё вокруг так резко изменилось в его жизни... А в тот миг в «Курьере»... он просто увидел над собой как будто давно знакомые глаза и услышал столь же знакомый голос:

— Извините, пожалуйста, за неосторожность, но я случайно подсмотрела... Точнее, увидела, что вы ищете скромную дачу на Вилуюе, неподалёку от Города. Я как раз хочу продать мамину. Она недавно умерла, а я в огородных делах мало что смыслю... Одной мне, думаю, будет там скучно и не по силам всё это тянуть. Говорят, если постоянно не хлопотать, то участок

очень быстро зарастает сорняком и дичает... В общем, посоветовали мне продать дачу, пока более-менее прилично выглядит... А то залезут воры, заведутся мыши — тогда пиши пропало...

Странно, но Иван как будто прочёл в этих «знакомых» серых глазах вполне доверчивый вопрос, а скорее даже желание получить дружеский совет: так продавать мне вам дачу или уже не стоит? И он онемел совершенно! Впервые после того, как застал за воровством своего университетского товарища Клушина. И женщина тоже, сказав всё это, видимо, растерялась.

Тогда Иван, привстав, пододвинул ей стул и спросил миролюбивым голосом:

— А что, если я отвечу вам в шутливом тоне?

На это она лишь неопределённо пожала плечами.

— Можно, я приобрету дачу вместе с вами? — сказал он, глядя ей прямо в глаза и демонстративно отодвигая заполненный бланк в сторону мусорной корзины.

И неожиданно получил лаконичный ответ:

— Если в шутку, то нельзя! — Глаза женщины на миг потемнели, став почти чёрными, как у цыганки. Но тут же лучики улыбки вернули им прежний серо-зелёный отлив. Ивану только и оставалось, что протянуть ей руку и признаться в том, что шутит он крайне редко и на серьёзности его намерений это никогда не сказывается.

Женщину звали Маша, она работала ветеринарным врачом. Тут Иван сразу вспомнил родную лужайку под вётрами и облака, плывущие в безнадёжно далёкие края с диковинными животными.

— Маша, а у вас какая-нибудь живность была... ну, в детстве там? — спросил он, просто чтобы нарушить надолго затянувшееся молчание.

— Почему «была»? — ответила она, доставая из сумочки несколько ярких снимков. — Вот, прошу любить и жаловать. Кот Емельян трёх лет, всем специальным кормам предпочитает рыбу и молоко. А как вас зовут?

— Иваном, — отвечал он. — И я тоже люблю рыбу больше мяса, а молоко — больше всяких там вод и даже пива. Редкий у Емельяна окрас, однако, — на Ивановом лбу слегка обозначились бороздки сомнения. — Сперва на фото кажется рыжим, а потом понимаешь, что так лишь на фото. Тут всё зависит от фокуса и уг-

ла падения света. На самом деле, думаю, он карамельного цвета.

— Удивительно! — в восхищении закивала Маша. — Мы его маленького так и звали — Карамелькой. А потом один наш еврейский друг окликнул его то ли Милькой, то ли Мелькой. Словом, получилось, что Емелькой. А мама, царствие ей небесное, вдруг вспомнила из своего учительского прошлого: «Да будут прокляты во веки веков злые разбойники и злодеи Стенька Разин и Емелька Пугачёв!» Так появился в нашей семье Емельян.

— А вы не Пугачёва часом? — по-прежнему пытался шутить Иван.

— На час могу и Пугачёвой, а по жизни — Рауш, — почему-то погрузнев, отвечала Маша. — Папа был из поволжских немцев, родился в Казахстане, близ Павлодара. Его родителей туда в войну переселили. Он после горбачёвских визитов всё хотел уехать в Германию, но мы с мамой не пустили. Да, как видно, зря.

— Почему? — машинально обронил Иван.

— У него был рак почки, а здесь всё ставили то радикулит, то крупный почечный камень, то кисту. А потом стало уже поздно: пошли метастазы, делать операцию не решились.

— Досадно и горько! — с чувством констатировал Иван. — У нас даже на войне почку убрали без особых проблем. Это парный орган. Впрочем, без селезёнки тоже живут, почти как без аппендикса.

Но последнюю фразу Маша, по всей видимости, уже не слышала. Её выражение лица как будто застыло после слова «война».

— Афган? — одними губами спросила она.

— Извини, я не хотел, — почему-то стал извиняться Иван, — это впервые с тобой... то есть с вами вырвалось само собой.

Так они перешли на «ты». Потому что, как вдруг явственно показалось обоим, знали друг друга давным-давно. Дальше выяснилось, что Машин брат тоже воевал, только в первую чеченскую, где был тяжело ранен при штурме президентского дворца и благодаря помощи самого Гельмута Коля уехал лечиться в Германию в числе других побывавших на кавказской войне русских немцев.

— За себя и за своего папу? — вновь несколько невпопад пошутил Иван.

Маша не обиделась, а, словно предугадав что-то, спросила Ивана в свою очередь:

— А ты, видимо, тоже что-то успел сделать за своего отца?

— Вот повоевать успел, — демонстрируя обрубки трёх пальцев на правой руке, как-то устало признался Иван. — Мой отец видел войну только ребёнком, но этого оказалось для него вполне достаточно, чтобы после школы пойти в военное училище, а потом и в академию.

— А что у тебя с правым глазом, Иван? — виновато поджав губы, спросила Маша.

— У меня нет правого глаза, Мария! — впервые этим полубившимся ещё в детстве именем назвал Машу Иван. — И черепа у меня сзади нет. Пластина там титановая стоит... Если я вдруг с кем-то невидимым разговаривать начну или меня вдруг забьёт лихоманка, то ты не теряйся, а вот эту штуку, — Иван достал из кармана пластиковый стержень, — мне между зубов вставляй, чтобы я язык не откусил. Можешь даже скорую не вызывать, просто стой рядом и любопытных отгоняй. А то однажды мне вытрезвитель вызвали. Потом объясняться пришлось. И кошелёк, слава богу, менты вернули. Один из наряда тоже, как твой братан... прости... успел у чеченцев кое-чему научиться. Кстати, он как там? Обратно не тянет?

— Тянет, — отвечала, радуясь чему-то, Марья. — Только он — папин сын, а я — мамина дочь. Мама была русской. Ну, не только по паспорту, а... — и она обречённо возвела руки к небу.

— Знаешь, а у меня тоже друган на войне немцем был, и фамилия подходящая — Гесс! — в тон Марье воскликнул Иван. — Только он самым заводным в части считался и анекдоты про Чапаева коллекционировал. Он сам — с реки Урал, а Чапай в аккурат там утонул. Хотя врут, по-моему. Не иначе особысты его в расход пустили!

— Чекисты, Вань! — пыталась поправить Ивана уже доверчиво прижимавшаяся к его плечу Маша.

— Вот-вот, — не спорил Иван, — они, сердешные! Лермонтов называл их «голубыми мундирами», а Белый... так просто «голубыми». Думаю, не случайно нынче это просто мужики нетрадиционной ориентации. Вот

они и к Жорке Гессу нетрадиционно принимались, к анекдотам его. Все только смеялись, а этим мерещилось, что его Чапай на всю систему замахивается! И знаешь, я, несмотря ни на что, был тогда искренне рад, что Чапай эту систему победил!

— Странно, что немец такие анекдоты рассказывал! — определённо засомневалась Мария. — Логичнее было бы про Гитлера с Черчиллем или хотя бы про Штирлица...

— Знаешь, Маша, был бы немцем, — убеждённо проговорил Иван, — на такую авантюру всех нас не подбил бы и сам бы не погиб. Думаю, что он просто обрусел или, как это по-научному, утратил национальную идентичность! А на войне это со многими происходит. Я недавно «Они сражались за Родину» Бондарчука пересматривал. Там старшина — Лапиков его играет — Александром Македонским всем нам, воякам, на века нацию оформил: «А у него, Македонского, — сказал он бойцам, когда те, малообразованные, национальностью этого грека поинтересовались, — своя нация была!»

— Как у животных! — весело согласилась Мария. — У них у всех «своя нация» без разбора: кошка — собака, курица — утка, черепаха — змея... Я только, пожалуй, с рыбами дела не имела да с ракообразными, а остальных приносили кого с чем: попугая — с бельмом, лягушку агу — со сломанной лапкой, корову — с ушибленным выменем, лошадь — с десятком пчелиных укусов. Все одинаково ждали помощи, потом были одинаково благодарны. И никто не искал преимущества друг перед другом. Ты знаешь, Ваня, почему я в ветеринарный стала поступать?

— Видимо, зверей любила и вообще всё живое? — без особого убеждения предположил Иван.

— Любила, конечно. А кто не любит? — больше у самой себя спросила Мария. — Нет, всё решилось после любопытной повести одного американца. В ней животные Земли, измученные людской жестокостью и повальной глупостью, решили захватить власть на планете, тем самым предотвратив её неминуемую гибель. Была кровопролитная война с переменным успехом, но животные благодаря гораздо большему опыту и

терпению победили. А победив, так перенаправили вектор развития цивилизации, что на Земле вновь зазеленели леса, посвежели реки и озёра, возродились многие, казалось бы, навсегда утраченные виды, в том числе и самих людей... даже изменился состав воздуха. Надышавшись им, люди уничтожили всё, какое только было на Земле, оружие и свои силы и средства бросили на развитие науки и искусства. И очень скоро они достигли звёзд и влились во вселенскую конфедерацию всего живого. Фантастика, конечно, но очень жизненная, потому что нынешний человек разумный обречён на самоуничтожение. А вместе с собой любимым он уничтожит и всё живущее на планете Земля. Может, и не только на ней. Поэтому я решила помогать сохранению этой жизни, которую, в сущности, мы совсем ещё не знаем...

Глава четвёртая

Чтобы быть совсем кратким и предельно точным, Иван, может быть, и признался бы какому-нибудь очень близкому другу, что их отношения с Машей никак не развивались в принципе, потому что просто не начинались, а были всегда. Но такого друга близ контуженого, «сосланного» в запас гвардии майора появиться уже не могло, ибо Афган поднял планку дружбы на такую высоту, до которой суесящимся окрест штатским мужчинам подниматься было недосуг.

Потому Иван жил без признаний и откровений, а когда становилось знобко от накопившихся неопределённостей, пристально смотрел на себя в зеркало или клал ладонь на то место, где у него до войны был затылок. За тонкой нержавеющей пластиной привычно работал его мозг, посылая сигналы, в том числе и дальним мирам, которые ему грезились в детстве. Пластина ощущалась заметно теплей, чем волосы вокруг, и он, опасаясь за перегрев, на время прекращал строить планы на будущее, погружаясь в энергосберегающие воспоминания.

Так, он в очередной раз смаковал своё воспоминание о знакомстве с Машей, невольно остановившись на её немецком происхождении и особом отношении к войне и, видимо, вооб-

ще к насилию над всем живым. Это подтверждало и приятное воспоминание о фотографиях кота Емельяна, которого Маша любила не меньше, чем раненного на войне брата.

Впрочем, о брате Иван старался долго не думать, чтобы не перегревать пластину. А зачем? К примеру, за него не стал бы ходатайствовать ни немецкий канцлер, ни японский премьер, а заботы своего генсека хватило только на титановую пластину вместо затылка: ни больше ни меньше. А потом его неожиданно стала тревожить затянувшаяся пауза между приступами эпилепсии: он вдруг понял, что совершенно забыл и сам последний приступ, и хотя бы приблизительную дату его «посещения».

«А может, это всё из-за Маши?» — вспыхнула новая надежда. Ну, из-за добрых, позитивных эмоций, которые после войны к нему так и не приходили! А тут всё сразу как-то разомкнулось и потекло в мир легко и свободно. И думается, и дышится, и шагается совсем не так, как до этого случайного захода в редакцию «Курьера». И очень-очень странно, почему это мы, не сговариваясь, поступили синхронно: она не стала дачу продавать, а я — покупать? Или она действительно всерьёз признала нашу сделку свершившейся? И я теперь спокойно могу ездить к ней на дачу, копаться там, к своему удовольствию и её пользе, и?.. Иван почувствовал, что краснеет, и пластина явно пошла на перегрев.

Когда ему кое-как удалось отключиться от воспоминаний, забулькал телефон. Ещё не сняв трубку, он невольно представил Машину улыбку и вместо обычного «да» или, как он иногда прикалывался, «у аппарата!», приготовился сразу спросить о настрое кота Емельяна съездить развеяться на дачу. Но вместо тёплого Машиного чей-то экзальтированный, отстранённый от всего мирского голос предложил ему неземные страсти сразу на сотне каналов нового, самого продвинутого в Городе сетевого оператора. «Надо мне, пожалуй, с любовью несколько притормозить, — сказал он себе вслух, — и для начала перевести наши отношения в спокойное компанейское русло. Был разговор насчёт дачи? Был. Я обещал подумать — прикинуть? Обещал. Посмотреть всё на месте собирались? Собирались. Вот и лады.

С этого и начнём, помолившись». И Шитов, трижды перекрестив лоб на Казанскую, вновь сел к телефону.

На его «алё!» Маша ответила: «Слушаю, Иван!» — и... отключилась. Он набрал её вновь, но по-прежнему шли короткие. Через десять, а потом и двадцать минут — то же самое. Наконец ещё через час она позвонила сама. Оказалось, что Машу набрал её немецкий брат и автоматически произошло разъединение на городской линии.

— Что-то случилось? — спросил явно встревоженный Иван.

— По всей видимости, случилось, — с плохо скрываемым волнением отвечала женщина. — Я тебе говорила, что брат Яков — папин сын? Ну вот, кажется, у него папина болезнь. Всё, конечно, ещё перепроверят, но, скорее всего, у него постоперационная онкология. То есть, — стала повторять казённый текст, — «в зоне оперативного вмешательства развивается злокачественная опухоль».

— Где эта зона? — почти машинально заговорил Иван. — Куда его ранили, Маша?

— Там всё несколько сложнее, — неуверенно отвечала она. — Это не пуля и не осколок. Понимаешь, он попал на детонацию неразорвавшихся мин или ракет... не знаю, как правильно. Словом, пострадали кости, ткани брюшины и внутренние органы. Похоже, у него рак печени. Говорит, что уже давно пожелтел, но ставили гепатит, и он не хотел беспокоить. А тут сразу несколько анализов сличили, глянули в наследственность и взялись всерьёз. Сейчас ему очень дурно после процедур: набрать-то он меня набрал, а говорила в основном только я. Он обещал перезвонить завтра-послезавтра, как станет лучше. Так что пока мы можем ехать на дачу. У меня как раз начинается отпуск. А как у тебя?

— Я тоже на лето с работой завязал. Поживу на пенсию, — попытлся взбодрить и отвлечь от невесёлых дум собеседницу Иван. — Давай я к тебе на своей «девятке» подскочу? Так будет быстрее и удобнее.

— Жду, Иван! — закончила разговор Мария.

Она показалась из подъезда с двумя сумками. Из одной на мир покровительственно взирали

жёлто-зелёные кошачьи глазищи. Ивану показалось, что Машин кот отнёсся к нему без предубеждения. «Видимо, проведена соответствующая разъяснительная работа», — решил он и открыл для сумок заднюю дверку машины. Свою поклажу при этом он переместил в багажник.

По словам Маши, обычно она добиралась до Вилюя — даже если на неторопком «пазике» — не дольше сорока минут. А тут на узком шоссе из-за очередного ямочного ремонта, неизменной при этом «железки» и гаишных разборок образовались пробки, — так что двигались они в час по чайной ложке.

Томительное продвижение скрашивал Емельян, который отнёсся к Ивановой «девятке» так, словно родился на АвтоВАЗе. Он проворно перебрался с заднего сиденья к Маше на колени и завёл свою кошачью мелодию, которая странным образом создавала в Иване полную иллюзию пребывания не за тугим рулём старенькой машины, а на уютном домашнем диване за просмотром какой-нибудь лирической французской ленты.

Порой Емельян, прервав свою мурчащую песенку, поднимался на передних лапах и пристально всматривался в какой-нибудь особо шумный встречный грузовик. Несколько раз он цапал Ивана за локоть, словно предлагая тому бросить на фиг этот долгий, малопродуктивный процесс. Так они проехали около полутора часов. На ухабистую грунтовку вдоль Вилюя у них ушло ещё полчаса. К даче они прибыли заметно проголодавшимися и вымотанными.

Только на Емельяна потраченное без толку время подействовало скорее как взбадривающее средство: не успели они надёжно припарковаться, как кот уже вскарабкался на крайнюю яблоню и удобно разместился в бугристой развилке. Иван усадил уставшую даму в раскладное кресло, а сам, «забыв» про электричество, принялся колдовать возле чугунной печки, потому как страшно соскучился по чаю с дымком. Впрочем, на печной плите уместился не только чайник, но и котелок, а потому оголодавшие путники сначала угостились варёной картошкой с сосисками и лишь потом принялись за ароматный костровый чай.

Оглядевшись внимательней, Иван нашёл участок вполне живописным и презентабель-

ным, а Маша несколько раз извинилась за некоторый беспорядок, в котором здесь всё бывало после неожиданной смерти мамы.

— Она почти не болела, если не считать появившихся по зиме головокружений, — сосредоточенно вспоминала Маша. — Я несколько раз настаивала на серьёзном обследовании. Но куда там! Она всё повторяла, что всегда лечилась только дачей. Дескать, такое с ней уже бывало и раньше... и всё это от малоподвижного образа жизни, спёртого воздуха, нехватки витаминов и тому подобное. Поначалу всё как будто подтвердилось. Уже после первых ещё апрельских поездок сюда головокружения прекратились. У неё появились аппетит, сон, сама стала бодрее, возилась с котом, — откровенничала Маша. — Только мне не понравился какой-то её странный настрой — всё о прошлом говорила. На даче моя мама чаще — про семена, про навоз с торфом, про каких-нибудь медведек или кротов и вдруг...

— Стала вспоминать детство? — попытался угадать Иван.

— Да. По большей части, наше с братом, — согласно кивнула Мария. — Но это бывало и раньше по какому-нибудь случайному поводу, а теперь она всякий раз приходила к заключению, что, слава богу, мы с Яковом обеспечены и она может обрести покой. Я однажды даже заплакала: «О каком покое ты мечтаешь, мама?! Нам так хорошо вдвоём! А Яков всё-таки далеко и вряд ли скоро соберётся к нам». Она извинилась, замолчала, но вскоре вновь начала вспоминать: то детский сад, то школу, то как я сломала руку, как мы с ней получили известие о тяжёлом ранении Якова. А потом однажды ночью в начале прошлой осени она незаметно вышла из домика вот по этим ступеням, — Маша указала Ивану на красное деревянное крыльцо, — села на самую нижнюю и... умерла. Прямо тут я её и нашла рано утром. Емельян по привычке лизал её намозоленную лопатой и граблями ладонь, а у неё уже давно остановилось сердце. Больше я здесь с тех пор не ночевала. Так, ездила на пару-тройку часов в земле покопаться, побыть одной, отдохнуть от городской суеты и вот кота побаловать. Прошлой осенью здесь уродилась пропасть яблок — крупные, сочные! Я их постоянно ела, почти механически, до ломоты в

зубах и онемения губ. И это как-то помогало отвлечься, отстраниться от такой долгой совместной жизни «до», от непонятных планов на какую-то невнятную жизнь «после». Прости, Иван, но когда я тебя увидела, то меньше всего думала о тебе как о мужчине... Скорее — как о добром, располагающем к себе человеке, который оказался в нужное время в нужном месте. Хотя что-то твоё во мне кольнуло, словно знак какой-то условный угадала.

— А ты не ищи мотивов там, где за тебя всё давно уже решено! — убеждённо заметил Иван. — За речкой я порой ощущал, что вот сейчас надо будить роту и срочно сниматься с якоря. И мы снимались, и бойцы, ворча от недосыпа, брели к бэтэрам, грузили катушки, треноги и прочие тяжёлые штуковины. А потом, через час-два после нашего ухода, точно по тому месту, где мы только что отдыхали, начинали работать духи. Сначала я тоже пытался это как-то объяснить себе, но потом бросил... по совету старших товарищей. И ты тоже бросай это безнадёжное занятие.

— Слушаюсь, старший товарищ! — отозвалась из кресла Маша. — Если ты вполне отдохнул, то пойдём, как в таких случаях говаривала моя влюблённая в Лермонтова мама, «окинем оком творенья Бога своего».

— Вот про Бога — это правильно, — согласился Иван; опустив руку, он погладил Емельяна, за короткое время привязавшегося к гостю и всюю трущегося о шитовские яловые, стянутые на икрах сапоги. — Бог всегда помогал нам сосредоточиваться на главном и избавляться от суетных вопросов.

Иван с Машей и котом отправились осматривать «непричёсанный» участок.

Глава пятая

Примерно через час Иван вновь усадил Машу в кресло и сообщил, что из посадок его устроили только озимый чеснок, многолетние цветы и хрен, но почва окрест великолепна, и ещё только июнь...

— Уже июнь, то есть по сути наше среднерусское лето, — скептическиотреагировала на бодряческий оптимизм гостя Мария. — Об эту

пору уже картошка как на дрожжах прёт, а редиска... та вообще начинает отходить, потому что ей уже жарко и переизбыток света!

— Маша, зачем тебе изъеденный местными вредителями тощий корнеплод, если его, отборного, — полный магазин, и как минимум трёх сортов?! Да и почва у тебя кислая, совершенно не под картошку! Зато посмотри, как весело кабачок лезет! Лук семейный курчавится и уже налился для салата. Я сейчас тебе укропчика с салатиком посажу, между прочим, проросшими купил. То есть сорняк им уже не страшен! Завтра возьмём на рынке георгинов, бархатцев, петуний. И клубнику я видел, прямо цветущую продают! Успеем, Маша! Главное, погоду обещают вполне-вполне. Посади всё необходимое, включая тепличные помидоры и огурцы. Сегодня уже поздно, а завтра с утра — на рынок! У тебя коробки там или ящички найдутся?

— Ящиков — бурун!¹ — легко поддалась хозяйка рабочему энтузиазму гостя. — Мы их с мамой под яблоки у грузчика выменяли... возле магазина.

— Интересно знать, что же нынче идёт в обмен на ящики? — заранее догадываясь, спросил-таки Иван.

— Бутылка самогона! — торжествующе отвечала Мария.

— Надо же, не угадал! — разочарованно развёл руки Иван. — И предположить не мог, что твоя учёная мама могла научиться гнать!..

— Это всё крутые девяностые, — печально констатировала Мария. — Тогда многие этот метод выживания освоили. Самогон был самой надёжной валютой. Особенно в хозяйстве помогал: материалы для ремонта, продукты для кухни, лекарства для Якова. Да и домик вот на даче построили не без него, и целину вспахали, и навозу с торфом привезли. И соседи наши так делали, и соседи соседей! Да сам Ельцин, как его бывший охранник проговорился, на самогон смотрел без горбачёвского предубеждения...

— Это точно! — согласился Иван и предложил остаток дня посвятить копке, рыхлению и внесению раскисляющей почву золы, которой было нажжено за прошлый год два бака.

В это время на конёк дачного дома села не-

вероятных размеров ворона и стала созерцать окрестности с видом существа, неподвластного времени. Поскольку ещё не вполне оправившаяся от маминой смерти Маша могла воспринять эту незваную гостью как дурной знак, Иван вступил с вещей птицей в понятный только им двоим разговор:

— Почему тридцатого, как было условлено, не прибыли на третий объект?

— Кар-р! — отвечала ворона уклончиво.

— Но тогда первый и второй объекты придётся переводить на неполный цикл?! — с заметным испугом воскликнул Иван и даже прикрыл ладонью лицо.

— Кар-кар! — похоже, уже не соглашалась ворона.

— Вот тебе и «кар», едят тебя мухи! — перешёл на «ты» и бранную стилистику Иван. — Дуй на третий, бестолочь! Иначе сдам лапки охотоведу!

— И-ав! — пролаяла по-собачьи ворона и, решительно снявшись с конька, взяла курс в направлении ТЭЦ-3.

Мария только изумлённо моргала и, силясь что-то сказать, издавала поистине вороньи звуки. Потом она перевела дыхание и с иронией спросила:

— Похоже, янки применяют новый вид оружия, а Путин ещё не нашёл адекватного ответа?!

— Думаю, что уже нашёл, — не согласился Иван. — Наверняка завтра по телевизору покажут... как он уверенно ведёт стаю ястребов.

Вдвоём они отправились в придомовой сарай за инструментами.

Часа через два, подпрыгивая и лупя себя ладонями по голням и выше, первой взмолилась о завершении работ Мария, не выдержавшая атаки комарья.

— Заели кровососы! Терпежу нету! — прокричала она жалобно в Иванову сторону.

— Что ж ты, Машенька, про средства защиты-то забываешь? — с притворным укором вопрошал Иван. — Вон у тебя, однако, в сарае и тубик, и баллончик есть! А ты на сухую ринулась? Июнь-то — самый что ни на есть комариный месяц! Сейчас без репеллентов никуда. Так с досады недолго и по ноге — мотыгой, и по руке

¹ Бурун — множество, бездна.

— лопаткой. Пойдём-ка лучше к печке чайку треснем! Там на дыму и комаров поменьше!

Отставив от себя деревянные черенки лопаты и граблей, они побрели к курящейся трубе чугунной буржуйки, постанывая и гримасничая с непривычки к садовой работе. А там нетерпеливо поджидал, видимо, уже проголодавшийся Емельян. Подбросив в красноватый зев печки заранее наколотых берёзовых плашек, Иван поставил на плиту чайник и стал тонко резать «Краковскую» колбасу и горчичный батончик. При этом Емельян пытался в точности повторить все его движения, походя при этом на какую-то странную, фантазмагорическую кошачью пантомиму. Согласно кивнув Емельяну в знак одобрения, Иван достал из рюкзака банку ежевичного джема и опустил в бокалы двойные чайные пакетики с дольками лимона. Через минуту-другую Иван с Машей с удовольствием дули в блюдца, ели бутерброды, а кот старательно вылизывал в миске остатки гусяного паштета.

Неподалёку медленно прошлёпала тройка ворон. Одна, несколько отстав, доверительно каркнула.

— Можете следовать дальше! — кивнул ей Иван. — Вы на сегодня свободны!

Едва не захлебнувшаяся чаем Мария выронила бутерброд на колени — соскочивший с булки кусок колбасы полетел в траву. Не успела она дотянуться до него, как рыжая тень, промелькнув у неё под рукой, оставила от колбасы один только запах. А Емельян толком и не заметил!

— Вот это я понимаю... краковские колбасники! — в голосе Ивана слышался восторг. — До сих пор колбасу делать не разучились! Не то что местные...

— Ты думаешь, её из Польши везли?! — саркастически усмехнулась Маша. — Как же, держи карман шире! Нынче даже местные сардельки варят в Москве.

— А местных детей где делают? — заорал перегнувшийся через забор явно нетрезвый мужик. — Я слышал, вчера очередную партию в наш роддом привезли...

— Ну, это определённо перебор! — отрицательно замахал руками Иван.

— Я тоже не верю! — согласно заорал обвисший на локтях глашатай — очевидно, хозяин

соседней дачи, исполин лет пятидесяти с татуированной кошачьей головой во всё плечо. — Можя, примешь со мной по этому бла-ародному поводу косушку, а-а?

— Спа-асибо, друг! — отвечал, подражая ему, Иван, питавший симпатию ко всем крупным людям. — Я б с превеликим удовольствием, да за руль ещё садиться предстоит!

— По-онял, друг! — кое-как выговорил мужик и, громко икнув, с грохотом обрушился за забор.

Иван поднял голову и заметил, что у пьяного соседа, между прочим, на огороде наблюдался полный порядок. Всё густо зеленело и тянулось к свету. А самогон он гнал прямо на улице, благо — наказывать за этот промысел перестали, а потому над садовыми товариществами плыл расслабляющий дух сивушной прели; к вечеру то здесь, то там вспыхивали стихийные «дни рождения», «годины», «крестины» и даже «отпевания» обречённых на погибель врагов и завистников. Последних, как успел заметить Иван за свою уже весьма долгую жизнь, у русского и в особенности — пьющего человека было как грибов после дождя. Завидовали дому, урожаю, инвентарю, машине, жене или, наоборот, отсутствию таковой, — и даже мозгам завидовали, если человек умел ими пользоваться, а не изводил членов садового товарищества доносами об отсутствии у них надлежащих приборов учёта электричества.

— Его Колей зовут, — несколько виновато проговорила Мария. — В прошлом году не раз помогал нам с мамой по хозяйству. У него золотые руки, хоть и выпивоха, но совсем не жлоб, как многие окрест. И животных очень любит. У него и кролики временами появляются, и куры всё прошлое лето по грядкам гуляли, и кошка сибирская. Он говорит, что и козу бы завёл, только зимой девать её некуда... Кстати, колбасу слямзила его рыжая Бикса. Емельян бы её наверняка вычислил, да кастрировали мы его с мамой, чтобы в квартире углов не метил. С котами он ещё дерётся, а кошек для него как бы и нет вовсе. Вот Бикса и наглеет.

— И имя... кличка у неё для этого подходящая, — криво усмехнулся Иван.

— Правда? — встрепенулась Маша. — А что это за имя? Я хоть и ветеринар, но ни разу такого не слышала, а Колю спросить не удосужилась.

— Не знаешь, он сидел? — потянувшись за кочергой, сосредоточенно спросил Иван.

— Рассказывал, что сидел, но давно, — отвечала уже перешедшая с чая на яблоки Маша. — Он, кстати, как-то маме признался, что и животных там, на зоне, решил завести.

— Я так и думал, — как-то устало заметил Иван. — А бикса — это... девушка, в общем, весёлая. Мой друг детства сел по малолетке, а вернувшись, всех дворовых девчонок так называл. А они и не обижались, потому что слово не бранное, а скорее указывает на модную одежду и дорогую косметику. Ну, а там, за колючкой, все молодые женщины, которых изредка удаётся увидеть, кажутся биксами. Вот он кошку так и назвал.

В это время Коля уже добрался до своего участка и махал им оттуда невесту как оказавшимся у него флагом Великобритании. Причём из открытых окон его бревенчатого дома явственно слышалось торжественное «Боже, храни королеву». Маше, как мирной Колиной соседке, надо будет обязательно подарить флаг либо Австралии, либо Новой Зеландии — так решил про себя Иван.

А потом Мария боролась с пылью на стенах и окнах дома, а Иван драил полы и укреплял расшатанное крыльцо. Временами он ощущал над собой её учащённое, казавшееся ему горячим дыхание и понимал, что, поднимись он к ней сейчас, обними за плечи — и она послушно опустится с ним на широкий диван. Но впервые он почувствовал в груди это сладкое чувство манящей перспективы и не захотел его вдруг... вот так быстро терять. «Успею, — думал он, насухо отжимая какой-то обесцвеченный старый халат, выданный ему Марией под уборку. — Вот уберёмся, обрызгаемся этой «Тайгой», побродим по опушке, поцелуемся, наконец... Просто поцелуемся, словно впервые, и скажем что-нибудь очень хорошее друг другу...»

Но до опушки они этим вечером не добрались, поскольку не прошло и получаса, как над Вилюем гроыхнула незаметно подступившая из «гнилого угла» гроза. В домике сразу сделалось темно и неудобно, хоть и пахло в нём теперь порядком и чистотой. Мария, обречённо склонив голову, щёлкнула рубильником и проговорила скорее для себя, чем для Ивана:

— Мама в грозу всегда так делала... после одного случая. Лет пять назад молния ударила в столб под окнами, и в доме сгорела проводка. Говорят, повезло, что от неё не занялся дом. А я думаю, что она больше не о доме, а о наших с ней жизнях беспокоилась. Мы тогда с ней так хорошо жили!

— А потом? — усаживая Марию за стол, спросил Иван.

— А потом я встретила Сашу, — устало проговорила Мария. — Маме он сразу не понравился, но отговаривать меня от замужества она не стала... из деликатности. Знаешь, она иногда мешает родителям оказывать своим любимым чадам поистине неоценимую помощь!

— Думаю, что знаю, — согласился Иван. — Отцу тоже следовало быть со мной пожестче, но ему мешали погоны, которые предполагали постоянную жёсткость с подчинёнными. Поэтому на мне он... отдыхал, что ли...

В это время сверкнуло так, что Маша заслонила лицо ладонью, а Емельян с воплем забился под диван. Иван инстинктивно стал задёргивать окно полотняной занавеской, которой вряд ли можно было отгородиться от столь ослепительного света. Треск грома последовал буквально за стеной, куда, по всей видимости, и пришёлся удар стихийного электричества. И тут же полило так, что, пока Мария закрывала форточку, кухонный стол умыло дождевой водой, покатались горошины града.

— Вот видишь?! — с тревогой в голосе воскликнул Иван. — И ладно, что у тебя свежей зелени нет. А вот у пьяненького соседа твоего этот град наделает бед, если всерьёз разойдётся.

Но в тот раз Коле явно повезло: гроза ушла столь же внезапно, как и упала на округу.

— А вот теперь и на опушку можно! — весело засуетилась на кухне Мария. — Ужасно люблю дышать лесом после грозы!

Иван и Маша, набросив на плечи старые дождевики, выскочили на крыльцо, чтобы потом скатиться с него прямо на мокрую, усталую сосновыми иглами лужайку...

Кот семенил следом, обиженно мяукая и опасно огибая небольшие лужицы и мокрые сучья, сорванные с деревьев первыми грозовыми минутами.

Глава шестая

Уснули они только под утро, когда с ручья стали долетать крики завершающих ночную жировку хищников.

Пристроившийся у них в ногах Емельян завёл свою умиротворяющую мелодию — неуловимой дымкой вилась она по комнате, — так обволакивающе стелется над долиной густой туман. Вот плывёшь в этом тумане и не чувствуешь под собой ни заливных лугов, ни задумчивой, едва текущей речки, ни прибрежного ивняка, ни себя самого, слоистого и лёгкого на упругих токах испарины, поднимающихся от щедро отдающих тепло трав.

Потом их разбудил крик с улицы. Это очнувшийся у себя на веранде похмельный сосед на большую голову проклинал какого-то кооператора Кобылкина, преступно отпустившего ему прокисшего пива, с которого он едва не улетел в космос. Емельян даже мурчать перестал, когда сосед, наотмашь распахнув двухстворчатое окно в сад, трижды громко повторил самое употребляемое русское слово на «б».

— От ить хад! — рыдающим хрипом причитал Коля. — И где он такой бурды достал? Наверняка просроченная, только что вылить не успели. Нет бы президенту поднести или хотя бы губернатору! Так всё нам, простому народу, эти ополоски. Одно слово, бездуховность, *****! Погодите, либералы! Масоны! Да я вам, врагам России, так проголосую, что будете помнить Колю Коровина, животные!

Маша, сонно возразив, что животные, в отличие от либералов, не умеют обманывать, по-хозяйски зарылась в Иванову подмышку и почти сразу снова уснула.

А сам Иван, удивлённый и обрадованный неожиданно нагрянувшим счастьем, погрузился в самые приятные грёзы — о деревенском детстве. Он отчётливо вспомнил дедовскую кухню, на которую только что сам дед Миша бережно внёс родившегося на дворе телёнка Яшку. Шёл февраль, за окнами гуляла вьюга, а корова зимовала на неотапливаемом дворе, на стенах которого об эту пору густо серебрилась колкая изморозь. От ещё мокрого телёнка валялся пар, а только что отелившуюся Дочку бабушка Нина укрыла сразу двумя ватными оде-

ялами, чтобы она, обессиленная тяжёлым отёлом, хотя бы «оклёмывалась» в тепле. Яшка тут же попытался встать возле стола, но тоненькие ножки его разошлись, и он повалился на предупредительно подложенный бабушкой ватник. У телёнка на фоне слипшейся грязновато-коричневой шерсти ярко светились какие-то восхищённые светло-зелёные глаза. Когда Яшка немного обсох, бабушка принесла ему ведёрко с молозивом. Неумело рванувшись к пахучему молоку, Яшка вновь упал на асимметрично крупные коленки и жёстко уткнулся мокрым носом в крашеный пол кухни. В это время бабушка ловко вставила в ноздри телёнку пальцы левой руки, а правой пододвинула ведро. Телёнок стал послушно пить, нетерпеливо дёргая то головой, то всем своим ещё жалким тельцем и издавая довольные чмокающие звуки. Вскоре Иван понял, что если бы не бабушкины пальцы, то нетерпеливый Яшка наверняка бы захлебнулся. Через день-другой он стал делиться с телёнком булкой и остатками каши, не раз потчевал его варёной картошкой и мочёным яблоком, а однажды даже угостил его шоколадной конфетой, вкус которой, впрочем, Яшка явно недооценил. В конце концов, кухня сблизила телёнка и мальчика настолько, что они стали вместе пить, есть и бегать от двери к столу и обратно. Сперва Яшка всё больше спотыкался, но скоро Иван научил его правильно поджимать копытца и не запинаться за ножки скамьи и табуретов. Вскоре к их шумным забегам примкнул истомившийся в одиночестве Тузик, и бабушке пришлось от греха пресечь этот то и дело воцарявшийся на кухне «бедлам». В конце Ивану вспомнилось, как поздней осенью, когда он уже успел достать из запечья старенькие лыжи, Яшку уводили на задний двор резать на мясо. Ни изжаренную потом на обед телячью печень, ни наделанные с большим искусством телячьи котлеты Иван есть так и не стал.

Да и к говядине у него пропала охота на всю оставшуюся жизнь! Особенно это мешало на войне, где выбирать не приходилось, а от говяжьих консервов его воротило не меньше, чем от зажаренного бойцами случайного свежака. Зато он уважал кильку в томате, сам с удовольствием варил для подчинённых похлёбку из

консервированных скумбрии и ставриды, пёк на углях пойманных бойцами полосатых ящериц, а бывало, везло и с курятиной.

Словом, очнулся Иван в странном пограничном состоянии: радости и печали примерно поровну, а провидение даёт право самому про себя решать — хорошо тебе или не очень, то есть всё как должно или не вполне ладится — не ладится, любит — не любит, быть или не быть. Гамлета Иван не то чтобы не любил, но совершенно не сомневался в том, что датский принц, страдая шизофренией, чересчур конкретно пытался ответить на изначально абстрактные вопросы. В Афганистане он таких вопросов перед собой не ставил даже после необратимых потерь, а когда вернулся, жизнь столь опростилась, что все гамлеты сами собой рассосались — кто за бугор, кто в дурдом, а иные и на кладбище. Но, видимо, эти вопросы всё же вставали, просто ответы на них до поры где-то ожидали соответствующей обстановки. На этот случай в памяти даже подходящее понятие всплыло — «цвет времени».

С появлением Марии цвет у его размеренного существования и в самом деле возник. В Афгане он тоже был, и в госпитале местами сознание подсвечивал, а потом как отрезало. Небо голубое, лес зелёный, палас дома коричневый, а время — что каждый день, что каждый год — никакое, бесцветное, как ты его ни разглядывай! И вот он явственно увидел над собой свечение воздушного потока, который струился из окна на распушенные по подушке волосы Марии, то золотя их, то серебря, то полностью сливая с белизной накрахмаленной наволочки. И он вдруг явственно ощутил, что она сейчас похожа на большую белую птицу, которая безмятежно купается в первых всполохах утренней зари.

...Открыв глаза, Иван обнаружил себя в полном одиночестве. Лишь печальный Лермонтов смотрел на него из дешёвой рамки да залучённая пауком муха отчаянно доживала под потолком свои последние минуты. Опершись на локоть и прислушавшись, Иван уловил характерные кошачьи царапки о половицы крыльца. Видимо, Емельян силился вернуться в дом, но дверь была слишком плотно прикрыта, потому не поддавалась. Пришлось Ивану вылезти из постели и шлёпать босыми ступнями по кол-

кому холодному полу, присыпанному минувшей ночью сухой прошлогодней хвоей и мелким лесным мусором. Не успел он приоткрыть дверь и наполовину, как кот, едва не сбив его с ног, вихрем метнулся в комнату и забился в закуток за стиральной машиной.

Что-то неприятное проползло у Ивана под сердцем и образовало внутри невосполнимую сосущую пустоту. Он стремительно натянул брюки и обулся, позвал несколько раз Емельяна, но, вспомнив, что он не собака, обречённо махнул в его сторону рукой: дескать, ладно, сиди, я и без тебя её найду в пять минут. Но не нашёл ни в пять, ни в двадцать пять минут, ни даже за час. Без толку исходив весь окрестный лес, Иван позвал соседа Колю, который только что удачно похмелился ещё не перегнанной брагой и временно находился в состоянии полной гармонии с окружающей действительностью.

— Коля! — окрикнул бражничавшего соседа Иван. — Помоги, брат, Маша пропала! Ты эти места знаешь лучше. И её, полагаю, тоже. Подумай, дорогой, куда она могла так рано уйти! Земляника зелёная, сморчки уже сошли, сыроежки ещё не пришли, дрова напилены, наколоты... Может, кто из знакомых неподалёку живёт?

— Из знакомых — только я да вон тётя Надя Семенцова через дом, сарай у неё зелёный, — озадаченно чесал в затылке вмиг встревоженный Николай. — И был у неё тут ухажёр... Эдик такой... На ручье у них дом, возле пруда. Дык она его давно отшила!

— Сходишь со мной? — с просительной интонацией прокричал за забор Иван.

— А чо ж не сходить? — с готовностью отвечал сосед. — Щас чувяки на босу ногу обую — и можно хоть на край земли!

Согласно кивнув, Иван, так и не дождавшись кота, защелкнул дверь и поспешил к соседской калитке. Николай, слава богу, ещё не набрался и взирал перед собой вполне осмысленно.

— Давай сначала на всяк случай к тёте Наде заглянем, — предложил он, — а уж потом и на пруд можно. Она туда летось аккурат по утрам любила гулять. Там светло, утки плавают, мужики, бывает, рыбой торгуют, да и молоком можно отовариться, навозом, торфом или песком. Всё туда везут, даже водку там брал однажды.

Тётя Надя, женщина лет семидесяти, уже копалась у себя на грядках. Кажется, выдирали запрещённые недавно маки. Когда мужчины перегнулись через её невысокий забор, она пела Пугачёву: «Миллион, миллион алых роз...»

— Тётя Надь! — гаркнул пропойным басом Николай, отчего женщина обернулась столь резко, что, потеряв равновесие, в следующее мгновение повалилась в кучу навоза.

— Простите нас, уважаемая, — счёл необходимым вмешаться в столь неудачно начатый разговор Иван. — Я приехал помочь вашей соседке Марии посадить огород, а она с утра куда-то ушла и как в воду канула. Вот я Николая и попросил показать мне дешённые окрестности и людей, что могли её видеть. Мало ли что?

— Короче, тёть Надя, — вновь простуженно забасил Николай, — она к тебе ноне утром не заходила? Покалякать или зачем-либо ещё, по хозяйству там?

— Не облокачивайся на забор, окаянный! — заполошно взмолилась женщина. — Вон как он прогнулся... не выдержит ить, верзила чёртов! Тебя потом на починку-то не дозовёшься, поди! Зальёшь бельмы — и всё тебе ехало-болело! А ко мне вон корова Манькина забредёт или овцы от Мамедовых. Все гряды истопчут!

Иван терпеливо дожидался завершения соседской пикировки, внимательно просеивая взглядом замутнённые утренним туманом окрестности. Наконец, отряхнув от навоза места заштопанную джинсовую юбку, тётя Надя сосредоточила свой взгляд на Иване, который уже успел, кое-как отжав Николая от забора, заблокировать его рот отбивающими перегар мятными конфетами.

— Заходить она не заходила, но на участке я её видела, — неторопливо заговорила тётя Надя. — И было это уже часа три назад, когда только-только петухи отпели. Я вставала теплицу открыть и курам вон зерна насыпать. А она кота возле крыльца кормила. А куда после пошла, не знаю... Я досыпать легла.

— И на том спасибо! — поклонился Иван впавшей в тревожную задумчивость соседке.

Прожевавший очередную конфету Николай собрался было вновь открыть рот, но тётя Надя негромко проговорила, не обращая ни к кому конкретно:

— В запрошлый год здесь тоже две девушки пропали. Через несколько дней в пруду вон, спаси Господи, всплыли. А убийца ихного до сих пор ищут.

Ивана всего передёрнуло, и он отпрянул от забора, как от разрытой шакалами могилы. А перед мысленным взором вдруг предстала давно забытая физиономия бывшего институтского товарища и майора-порученца Лёвы Клушина, который назидательно грозил ему пальчиком: дескать, никуда ты от нас со своим одним глазом не денешься. А надо будет, мы тебя и второго лишим!

— Кто это «мы»? — спросил неожиданно для самого себя вслух Иван.

— Известно кто, — зло заорал на всю округу заскукавший по браге Николай. — Животные, *****! Развелось их тут... через два дома на третий! Звони, Ваня, в милицию. И будем искать, пока не поздно...

Но совместные с опергруппой поиски почти ничего конкретного не дали, ибо в такую рань дачники, в отличие от деревенской тёти Нади, обыкновенно спят, причём особенно сладко. Одна женщина возле пруда вроде бы слышала какие-то крики, похожие на «помогите!», но точно не поняла — то ли въяве это, то ли приснилось. Прислушавшись на всякий случай, но ничего более не услышав, она повернулась на другой бок и вновь заснула.

— Я ж говорил... животные! — отреагировал на это признание не переставший бражничать Николай. — Вот если бы возле её дома кто мешок коровьего гомна с машины потерял, она бы в пять секунд с тачкой в проулок выскочила, а станут кого насиловать и убивать — так я лучше спать лягу.

...Марию Рауш, а вернее то, что от неё осталось, нашли, как и прошлогодних утопленниц, в затенённом затоне пруда. Отыскал её истосковавшийся по хозяйке кот Емельян.

Глава седьмая

Осознав произошедшее, Иван не почувствовал боли утраты. Просто воздух, в котором он перемещался и которым привычно

дышал, утратил свечение, а время вновь обесцветилось. На похоронах и поминках он не сказал ни слова.

Да и говорить-то, в сущности, было некому. Людей собралось немного: несколько друзей с работы да полдюжины хозяев вылеченных Машей кошек и собак, которые связь с ней не теряли — от случая к случаю обращались за лекарствами. Брат из Германии не приехал, сославшись на жёсткий постельный режим, отец вообще никак не отреагировал — видимо, давно решил про себя, что дочери у него как бы и нет. Выходит, такое случается на этом свете не только с русскими отцами.

Выпив поминальную стопку и поблагодарив соседку за организацию поминок, Иван пообещал всерьёз опечаленному Николаю на днях появиться на даче и вышел на прокуренную площадку. Здесь, в заплёванном подростками углу, грустил забытый всеми Емельян. Иван сел перед ним на корточки и впервые после Афганистана заплакал. Больше они с котом никогда не расставались.

Уже на следующий день Иван приехал на дачу и стал присматриваться к пруду и береговым участкам, один из которых, как он предполагал, мог принадлежать убийце или его ближайшим родственникам. Скорее всего, думал он, Маша решила сходить на пруд — после бурной ночи привести себя в порядок и взбодриться. Стало быть, попала в зону опасного внимания она случайно: пришла, разделась, купалась, вышла на берег и... Именно в этот момент одна из дачниц услышала её «помогите!», а перепуганный насмерть Емельян стремглав сиганул к дому. Утопив свою жертву, убийца быстро вернулся к себе в дом и до поры затаился. Сейчас, скорее всего, он уже успокоился и расслабился, а потому взять подозрительного мужика на заметку особого труда не составит.

Ивану злодей представлялся крепким нестарым человеком с настороженным недобрым взглядом. Он не просто крепкий, а очень сильный, ибо прошлым летом одолел сразу двух девушек, причём никто не слышал ни звуков борьбы, ни криков о помощи, хотя полтора десятка дачных участков стоят окнами на берег. Словом, на фоне здешних бабушек и деду-

шек убийца должен явно выделяться — значит, заметить такого не составит особого труда. Впрочем, решил Иван, не помешает и Николая тщательней расспросить: он в садовом кооперативе больше тридцати лет, с брежневских времён, когда тут ещё деревня была...

Для начала Иван решил отвлечь сознание какими-нибудь пустяковыми хлопотами. Накормив Емельяна, он настрогал тесаком берёзовой лучины и принялся разжигать печку. Как ни старался, у него не получалось, пока не обнаружил, что наглухо закрыта перекрывающая воздух задвижка. «Видимо, пока я всё-таки не в себе», — решил Иван, — а это сейчас ну никак не годится!» Он махнул полстакана водки, съел бутерброд с салом и малосольным огурцом, почесал у Емельяна за ухом и подбросил в раскрасневшуюся печную пасть несколько сосновых плашек. В котелке уже пузырилась вода, пора опустить в неё пучок-другой макарон. Всегда вольготно гулявший по округе кот на сей раз не отходил от Ивана. В нём всё явственней и бесспорней звучал молчаливый с войны внутренний голос: «Я должен вернуть всем покой! И прежде всего самому себе!»

— Кар-р! — крикнула ворона с ближайшей сосны.

Иван без труда узнал в ней свою недавнюю товарку, разговор с которой так поразил Машу, повидавшую на своей ветеринарной службе всякой живности, в том числе и пернатой.

— По какому случаю тут? — спросил он ворону. — И где твои боевые друзья?

— Кар-кар-кар! — отвечала скороговоркой птица, из чего Иван понял, что та выражает ему своё сочувствие и ждёт указаний.

— Лети-ка ты, сестрёнка, сейчас по своим делам! — крикнул вороне. — А потом прибе-решь тут... от моего завтрака.

Тяжёлая птица, едва не подломив под собой ветку, шумно снялась с дерева и полетела в сторону ручья на вольную охоту. Иван затаил на поясе ремень, пристегнул к нему короткие ножны с армейским резакон и отправился в свой первый обход округи. Емельян решительно пошёл следом.

В полотняном пологе на веранде Николай, как выражались в войсках, ещё давил на массу,

то есть спал без задних ног. С полминуты подумав, Иван решил не будить изрядно выпившего на поминках соседа, а зайти к нему с «исцелением» ближе к обеду, когда к тому по переохшим трубам похмельного нутра «явится пан Вотруба». Пока же сосед и не нужен особо.

Сейчас гораздо умнее обозреть округу не замутнённым излишней информацией взглядом. «Просто прогуляюсь, — размышлял Иван, — на иных погляжу, с кем-то познакомлюсь, а кто-то ведь и встревожится... Не случайно говорят: знает собака, чьё мясо съела! И эту тлю надо сначала напречь, а потом просечь! Пока этого не скрыть — времени прошло всего ничего... А через месяц-другой взволнованность от содеянного подёрнется рыской — и тогда пиши пропало!»

На этот раз тётя Надя, едва завидев Ивана в отдалении, решительно отставила лопату, тщательно утёрла платком слёзы и часто замала ему руками:

— Ванечка, зайди, милый! — проронила она кротко, отодвинув щеколду на шатких воротах. — Я тут тебе картошечки-синеглазки припасла и самогону вот настояла на травках... Вам с Колей. Милая, бедная моя Машенька!.. — и она зарыдала в Иванову грудь, сотрясаясь всем своим суховатым, уже старушечьим тельцем.

«Видишь?! — ещё решительней зазвучал где-то в прохладном утреннем воздухе бестелесный голос. — Ты должен обязательно его найти... сам. И сам — наказать».

«Нет, — не согласился Иван. — Я бы мог просто прирезать его, как спятившего морального урода, как спустившегося с гор духа! Но потом самому таиться, как преступнику, и — главное — тогда местные о злодее не узнают: он просто исчезнет, как исчезли эти беззащитные женщины. Нет, пусть его судят здесь, в сельском клубе. Пусть публично по нашим законам приговорят к пожизненному. И пусть он на отрезанном от всей земли северном острове, за колючей проволокой мечтает об этом деревенском пруде, подёрнутом тиной, как об избавлении от бесконечной каждодневной муки. И местные будут знать, что преступник наказан».

— Спасибо, тётя Надя, — сказал Иван вслух, — я сейчас до пруда прогуляюсь. По возвращении и зайду, — говорил Иван отстранённо, в мыслях

пребывая там, на узких проложенных к пруду тропках, на которых наверняка остались следы и пресекшего Машину жизнь дачного нелюдя.

Тётя Надя в ответ лишь понимающе вздохнула и спешно осенила его крестным знамением.

«Раз и она с ходу поняла цель моей прогулки, — подумал Иван, — значит, я, скорее всего, на правильном пути».

До самого пруда больше ему навстречу никто не попался. Как слева, так и справа от тропы, на явно дичающих участках, гулял ветер да ярилась молодая крапива.

В избе у самой воды жил столетний глухой дед Михалыч, доставшийся садовому товариществу в наследство от умирающей окрест деревни. Старик вышел на пологое крыльцо и приветствовал Ивана столь буднично, словно он — здешний завсегдатай. Иван жестами показал старику, что хочет переговорить с ним, и тот махнул на свой палисадник, где стояла скамейка с приставленным к ней вместо стола дощатым контейнером из-под листовой фанеры.

— Здравствуйте, Фёдор Михалыч, — протянул руку в беспалой перчатке Иван. — Женщину мою возле вашего дома какой-то нехристь убил. В аккурат неделю назад, в прошлую среду. Рано утром. Я ещё спал...

— Тебе, однако, тоже не хворать, — отвечал, усаживаясь на скамейку, дед. — Я во вторник съел что-то не то, голова у меня на следующее утро дюже болела. Поэтому на воздух я не выходил, но кое-что слышал.

Иван невольно наклонился к деду и весь напрягся, но тот неожиданно замолчал.

— А что примерно слышали, Фёдор Михалыч? — осторожно поинтересовался Иван. — И откуда, с какой стороны?

— Сначала крик, потом кашель со стороны пруда, — медленно вспоминал дед, — а потом как будто кто-то в воду прыгнул: бух-бух! Я даже выглянуть сперва хотел, но зашатало меня в коридоре, и я сильно о полку ударился, прямо виском. До сих пор башка кружится. Надо бы в больницу, да далеко отсель, боюсь, по дороге сознание потеряю.

— Давайте отвезу вас в ЦРБ, доставлю в приёмный покой, — решительно предложил Иван. — Сотряс у вас, очевидно. Прокапаться надо, а то, не дай бог, инсульт... Короче, кровоизлияние

под черепом, гематома. Её рассосать надо, чтобы сгустки в крупный сосуд не попали.

— Спасибо, — отвечал дед устало. — Я б и милиции про это рассказал, да не приходил никто, не спрашивал. А я несколько дней в лёжку был.

— Значит, на пруду... крики, кашель и плеск воды? — скорее не переспросил, а сделал вывод Иван. — Может, помните, прошлым летом две девушки утопли?

— Тогда и фургон милицейский приезжал, — взгляд деда прояснился, — и следовательно спрашивал, а потом ещё и в прокуратуру вызывали. Я тогда даже успел на крыльцо выскочить. Только топил он их на другой стороне пруда, я отсель не разглядел ни рожи, ни осанки. А прокурор рожу скривил и говорит, дескать, в таком возрасте я бы и возле своей избы ничего толком не разглядел.

— А что ты всё-таки разглядел, Фёдор Михайлович? — незаметно перейдя на «ты», душевно полюбопытствовал Иван.

— Толстого мужика в трусах и клетчатой рубашке, — спокойно и вполне убеждённо отвечал старик. — Он как раз из воды на скользкий берег лез. Раза два соскальзывал, а потом за сук ивовый схватился и выполз кое-как. Видно, сильно устал в воде-то...

— Здесь похожие на этого... в трусах... не живут? — спросил как бы между прочим Иван.

— Я тогда сразу не сообразил... кого он напоминает... — медленно, с заметным напряжением проговорил дед Михалыч. — Сюда только один такой и приезжает. Валеркой его зовут. Вон по третьей тропе от меня самый крайний дом синего цвета под оцинкованным железом.

— Прямо на берегу? — спросил Иван и, погладив ножны, привстал, облокотившись на контейнер. — Я почему-то примерно так и предполагал. Ты, Фёдор Михалыч, не шугайся, я твоё имя уже забыл и выводов ещё никаких не сделал. И, пожалуйста, молчи, а то спугнём ненароком. Заляжет падла на дно, а то и вообще куда уедет.

— А ты сам-то, как посмотрю, — хитро прищурился старик, — тоже из ментовских или прокурорских будешь?

— Обижает, дед, — незлобиво отвечал Иван. — Я с войны пришёл в эту жизнь... мирную, мать её!..

— Ну, тогда я спокоен, — заключил старик и раскрыл крупную узловатую ладонь — в ней тускло поблескивали два ордена Отечественной войны.

Глава восьмая

Того Валерку Иван нашёл уже на следующий день, в самом начале своего второго утреннего обхода. Для этого ему пришлось отойти от дома Михалыча всего на сотню метров и приостановиться возле синего под цинком дома. Но едва успел он хитро перешнуровать правый армейский ботинок, как из открытого окошка веранды его грубо окрикнули:

— Эй, пехота, тебе чего тут надо?! Прошлым летом тоже один здесь переобувался, а потом вся клубника с грядки пропала!

— Это наверняка те две девушки постарались, которых потом в пруду выловили! — зло выговорил обернувшийся на окрик Иван. — Чо заткнулся, клубничная душа? Ну-ка выйди на крыльцо, я на тебя хоть погляжу вблизи!

Произнося это, Иван уже ругал себя за нетерпеливый зуд в языке и прикидывал варианты своего дальнейшего поведения. Но на крыльцо так никто и не вышел, а движения на веранде и в доме замерли, словно там никого не было. Всё что угодно, но такого развития событий Иван не ожидал.

«Так, — соображал он, — если даже есть ружьё, то стрелять этот не станет. Охотничье стреляет очень громко, а он в тишине убивать привык. Ножи он явно не метает, да и форточка для метательных дел узковата. Значит, просто не ожидал и сейчас думает, что делать дальше. Может, рассчитывает, что я просто уйду от греха, а там, дескать, видно будет. Если я уйду, он наверняка тут же свалит... на «форде» вон, а может, и пёхом по лесу до ближайшей попутки. Придёт в себя, замкнётся, а презумпцию невиновности у нас никто не отменял. Нет, потом его не расколешь! Да и колоть здесь, как видно, некому. В прокуратуре, если верить Михалычу, от явных зацепок отмахнулись. Просто не хотят ввязываться, встречать в процесс, чтоб потом не оправдываться. Списали всё на шизоид-

ного гастролёра, которого по всей России ищут, а самим и пьяной бытовухи довольно. Как в кино: «Украл — выпил — в тюрьму!» И никакой романтики...»

А потом с Иваном произошло то, что не происходило со времён Афганистана. Его рука, не посоветовавшись с головой, вывернула из бугристого края тропы крупный валун и с размаху метнула его в завешенное кисеёй окно. И ещё один, другой! Не выдержав третьего удара, рама выскочила из оконного проёма. Тут же из дома донесли то ли злобные проклятия, то ли крики о помощи или вопли от боли и испуга.

Выбив ногой калитку, Иван уже через несколько секунд стоял на веранде, упершись остриём клинка в щетинистый кадык толстяка в чёрных сатиновых трусах и лопнувшей на спине синей в клетку рубашке.

— Что же ты бельишко-то не меняешь? — выдохнул Иван толстяку прямо в порезанное стеклом лицо и ощутил кисловатый запах давно не мытого тела. — Вот, блин, животное!

И тут же смекнул, что зарежь он его сейчас куском стекла — и можно не прятаться. Доказать, что он преследовал серийного убийцу и вынужден был обороняться в чрезвычайных обстоятельствах всем, что оказалось под рукой, труда не составит.

«Ты всех-то за дураков не держи! — как будто нагло хохотнул некто из угла веранды и по-клушински криво улыбнулся. — Не все же мы тут контуженные, как...» Недослушав тающей в пространстве фразы, Иван сильно ударил толстяка коленом в пах. Заведя упавшему на колени мужику руки за спину, он туго перетянул вялые кисти поясным ремнём. Затем Иван достал мобильный и набрал заранее припасённый номер местного отделения милиции. Ответили быстро и велели ждать машину.

Валерка, весь в крови от стекла и побоев, валялся на полу. Иван, включив диктофон, наклонился к нему.

— Зачем?

Валерка, с минуту поёрзав по битому стеклу, кое-как устроился, подперев спиной стену. Он неопределённо пожал плечами:

— Да отец... педераст... — признался, наконец. — Меня ещё в детстве совратил, а в молодости бабы, наоборот, не давали. Я и не женил-

ся... Так их ненавидел, особенно красивых. А неделю назад случайно вышло. Зря она в такую рань на пруду разделась. Кругом пусто, ни души — перемкнуло в башке! Короче, глаза бояться, а руки делают... Потом двое суток здесь провалялся. Стал вспоминать — что да как? А когда вспомнил, ещё на двое суток отрубился. Может, и в психушку ещё закатают?

— Я тогда тебя и в психушке достану! — пообещал Иван и для убедительности сделал вид, что хочет по восточному обычаю отрезать мужику уши.

Тот мелко задрожал, пошёл красными пятнами и обмочился прямо на замусоренный пол. Ивану стало его жалко...

Далее всё прошло относительно гладко. Оперативники и следователь лишних вопросов не задавали, занявшись главным образом заполнением бумаг, которых, надо полагать, давно ждали наверху. Только начальник РОВД да местный прокурор оставили в душе Ивана какой-то неприятный липкий осадок. С их слов выходило, что отставной офицер не только не помог им ликвидировать самый крутой в районе висяк, а, наоборот, вставил палки в колёса. Наверно, решил про себя Иван, эти двое не за горами ждали полковничьи погоны, а теперь что да как — большой вопрос.

С Николаем ему удалось потолковать лишь через несколько дней, после всех допросов и очных ставок. Пришлось к тому же просить прощения у старого Михалыча: Иван-то ему пообещал полный покой, а вместо этого деда затаскали по инстанциям как главного свидетеля. Впрочем, извинений Михалыч слушать не стал, а заметил Ивану, что и сказал «про убийца» только ему, потому что прежде «никому из эфтих жучар ни на волосок не верил».

— ...У их в башке только одни звёздочки да откаты, — зло сплюнул он на сторону и налил себе и Ивану из оплетённой липовым лыком бутылки. — Прошлогодня медовка, добрая! Давай твою Машу помянем, значит. Всё ты правильно, солдат, сделал. Я боялся, убьёшь ты его. Но, молоток паря, сдержался! Правильно.

И они выпили со стариком сначала по одной, а потом ещё и ещё. На прощанье захмелевший Михалыч нацедил Ивану трёхлитро-

вую банку своей крепкой, уже утратившей лишнюю сладость медовухи, обнял его и, перекрестив, отпустил с богом в Машин садовый дом, который Иван решил выкупить у товарищества. Просить о чём-либо господ Рауш из Германии он счёл для себя унижительным.

Председатель садового товарищества «Цапли» Ефим Давыдович Карасик выслушал рассказанную ему историю более чем внимательно, сразу озаглавив её для себя «Иван да Марья».

— А если брат её объявится с претензиями на наследство?... — безразлично спросил пожилой глава «Цапли».

— Не думаю, — убеждённо отвечал Иван. — Во-первых, у отца в Германии он лечится от рака. И, видимо, не очень успешно, поскольку по деформированному взрывом животу пошли метастазы. Во-вторых, даже выручи он за садовый участок какие-то деньги — они для него один пшик! А ведь сюда надо ещё приехать, по конторам да судам ходить, ждать, бабки платить... И потом мы заочно с ним познакомились... Он очень просил меня не оставлять сестру «с её любимой дачей». Нет, он претендовать не станет... Квартира — другое дело! Но в любом случае у вас не будет со мной никаких проблем, поскольку материальный аспект нашего договора я полностью беру на себя.

После этого разговора Ивану пришлось зайти в пару мест и даже оставить там некоторые суммы. Может быть, ещё и поэтому никто из местных чиновников не захотел иметь дело с афганцем, к тому же задержавшим местного маньяка. А пребывавший всё это время в порубежном состоянии Иван сначала принялся сооружать на даче стоянку для машины, потом — деревянный сарай, следом — компостные ямы для грядки и верстак для огородной подённости.

Всегда промышлявший неподалёку Емельян порой жаловался на одиночество, а Иван хоть и притворялся абсолютно невозмутимым хозяином, но втуне давно задумал найти своему осиротевшему коту «братьев по разуму», среди которых и ему, старому, израненному и остуженному одиночеством вояке, было бы чуточку теплее и осмысленнее жить.

Глава девятая

Сперва у Емельяна появилась белая как снег подружка Мальва. Кошку Иван давно присмотрел в городе, возле частного дома, примкнувшего к бетонному углу его типового параллелепипеда. Обычно Мальва пугливо выглядывала через одну из дыр в заборе и жалобно мяукала в надежде на кусочек колбасы, сыра или какой-нибудь случайной рыбёшки. Нередко Иван подкармливал её курятиной или домашней котлетой. Кошка, хоть и была голодна, никогда не хватала еду с лёту. Напротив, она всегда отступала от него на метр-другой. Убедившись, что Иван не следит за ней с праздным интересом, Мальва медленно подходила к зазывно пахнущему угощению и начинала его обнюхивать, переворачивая то на один, то на другой бочок — видимо, выбирала наиболее удобный для укуса край. Иван уважал Мальву уже только за это, а у неё имелись и иные неоспоримые достоинства. Поэтому когда он решил переселить кошку к себе на дачу, то не стал прибегать к традиционному, так сказать, «силовому» способу, а обратился к некоему Тихону Козлову с выгодным для его пропойного организма предложением:

— Тихон, давай я тебе куплю бомбу плодово-выгодного и бутылку белой, а ты уступишь мне белую кошечку, которая у тебя на огороде обитает.

— Кошка — ловчая, — утром мрачно отвечал больной на хмельную голову сосед. — Поэтому — три плодового, а водку пей сам! Да и колдунью пивка уж заодно прихвати, а то вино может сразу и не полезть...

— Хозяин — барин! — согласился Иван и поспешил к универсаму.

Полчаса спустя Тихон залпом опорожнил едва ли не весь двухлитровый «капрон» и, кое-как отдышавшись, запустил Ивана в свой огород.

— Только ты сам уговаривай, — заявил он, — а то она меня плохо слушается... Не-е, мышек исправно ловит. А в прошлом году даже крысу серую загрызла! Представляешь? С себя величиной! От вашего мусоропровода ко мне повадилась, тварь! А она, значит, её из засады взяла. Правда, есть не стала, только придушила.

Тихон вышиб на вине пробку и предложил Ивану «обмыть их сделку», попутно сообщил, что Мальва оставила ему шустрого котёнка, которому хоть нет ещё и семи месяцев, но «по яйцам он уже гвардеец»!

Иван похвалил белого, в мамашу, котёнка, но пить не стал, сославшись на предстоящий отъезд на дачу. А Мальва особо не упиралась, как-то неожиданно охотно сначала разрешила себя погладить, а потом и взять на руки...

— Ну, нашёл подход, Иван! — похвалил на прощанье исцелённый Тихон, довольно почёсывая ножовкой красную от крапивы задницу.

А уж как был доволен подругой Емельян! Полдня он выхаживал вокруг Мальвы, как на пуантах, а потом ловил для неё мышей и пел свои котовьи серенады.

Впервые после Машиной гибели Иван улыбнулся себе в усы и сбрил отросшую за это время бороду. Жизнь, несмотря ни на что, продолжалась, — не афганцу удивляться непросчитанным утратам, которые она в себе заключает.

К сороковому дню в лес с Иваном отправилась чернявая дворняга Сара, которая к тому же явно пребывала на сносях, а потому так же охотно променяла свою городскую бездомность на Иванову заботу и дачный покой.

Вообще, кошки и собаки чуяли в Иване не только более сильное, но и родственное себе существо, которое не даст их в обиду. А потому с первого нюха выделяли его среди прочих двуногих, чтобы доверить ему свои хрупкие, стократно зависимые от уличных случайностей и особенностей человеческой натуры жизни.

Очень скоро недавно пустоватая, казалось, обречённая на загородную тишь дача переродилась в этакий звериный улей, в окрестностях которого жизни было куда больше, чем во всём дачном кооперативе, включая Карасика и всё его садовое правление. Очень скоро звери приучили Ивана не заботиться о себе сверх той минимальной необходимости, в которой они реально нуждались. Поэтому в город с собой он возил разве что привычного к дорогам Емельяна или кого из питомцев, которому требовалась срочная ветеринарная помощь.

Так, однажды Мальву тяпнула на солнцепёке замаскировавшаяся под палую ветку змея. А двух проворных щенков серьёзно искушали осы, когда бестолковыши, обнаружив в дупле трухлявого пня большой белый шар, решили его покатать по тропе. Часть провизии кошки добывали в лесу и в лугах: давили мышей и ящериц, ловили суетливых трясогузок, медлительных сорок. А собакам везло и на водяных крыс, лесных хорей, полевых сусликов и хомяков.

Однажды Иван наблюдал, как его Сара раскапывала глубокую мышиную нору. Земля из-под передних лап летела метра на полтора, а сама она то и дело до самого хвоста исчезала в грунте, выверая ход дальнейших раскопок. В конце концов, Сара добыла не только саму мышь, но и всех её многочисленных мышат — будущую угрозу для Ивановых корнеплодов. Иван поощрительно потрепал Сару по загривку, угостил остатками горохового супа и рафинадом. На запах сбежалась вся звериная ватага, и ему пришлось выставлять собравшемуся обществу только что размороженный целлофановый пакет куриных потрохов.

Случались у Ивана и памятные неприятности. Однажды он по незнанию угостил кобельков-подростков Филю и Лёву, названных в честь Киркорова и Лещенко, остатками куриных ляжек. Молодые собаки, как водится, заспешили, не шибко стараясь прожёвывать трубчатые куриные кости, и... поплатились. Ветеринар, измученный промываниями и весь измазанный собачьими экскрементами, взял за работу столько денег, что их бы хватило, по Ивановым подсчётам, как минимум на две недели звериного пропитания. Но подобных случаев было немного, к ним Иван был изначально готов и никогда потом не жалел о том, что завёл, растил, кормил, воспитывал и любил своих собак и кошек, которые, в отличие от большинства людей, платили ему только добром.

А вскоре у Ивана появилась и молодая козочка, которую он выкупил у директора ближайшего ОПХ, когда тот из-за покусанного бродячими собаками вымени вознамерился пустить её на мясо. Иван сказал директору, что бродячими собак сделали люди, а вымя он зашьёт «по-афгански», и, бог даст, она станет

скоро молочной козой. Молодая коза, конечно, не солдат во фронтовых условиях, а потому пришлось стягивать ей скотчем копыта. Но шил Иван крупными стежками, и процедура заняла всего несколько минут. Уже следующим утром козочка Жанна паслась в травянистом проулке, то и дело подёргивая лёгкий канатик, на который Иван пристегнул её к металлическому заборному стояку... до поры, пока не привыкнет.

Вскоре к Жанне повадился чёрный с жёлтыми подпалинами козёл из деревни, и капроновый канат едва не стал удавкой для них обоих. Ивану срочно пришлось его сменить на более толстую и грубоватую пеньковую верёвку. Но куда больше озаботило и озадачило Ивана его знакомство с молочным поросёнком Бориской, которого он выбрал на сенном рынке у знакомой цыганки Сони. Уже выручив деньги, хитрая цыганка принялась нагонять на незадачливого покупателя разных страхов о капризном и непредсказуемом здоровье новорожденных поросят, об их феноменальной смертности в принципе, почти не зависящей ни от условий содержания, ни от кормёжки, ни от ухода.

— Я ж не могу увидеть, что у него там внутри, — состязалась на людях сама с собой в красноречии Соня. — Органа какого недостаёт иль хряк чего его матке с семенем передал!

— Совести тебе, Сонька, недостаёт! — негодовала на красноречивую цыганку немолодая плотная женщина в цветном полushалке, как и Иван, уже заплатившая за покупку. — У-у-у! Морда нерусская!

Но уже засунувшую деньги под резинку трусов худошавую продавщицу оскорбить, а тем паче усостыжить было невозможно!

— Да ладно тебе, тётка Дарья! — беззаботно смеялась она, прикуривая чёрную с золотым ободком сигарету. — Я так думаю, свет ты мой ясный, что в хозяйстве твоём скорее муж от истощенья захворает, чем поросёнок! Вон жопа-то у тебя — с четыре моих!

К дальнейшим женским метафорам Иван старался не прислушиваться, поскольку даже мужики на войне выражались куда приличней. Вот так он и просвещался по сугубо крестьянской части, терпеливо постигая тон-

кости индивидуального проживания на земле и сосуществования с животными. Хоть Бориска, слава богу, в младости не издох, но, как выразился сосед Николай, копотил он дал по самые трубы! И антибиотики ему Иван колол, и козьим молоком из бутылочки поил, и пюре ему из овощей наминал, и кашу гречневую варил. И всё это только для того, чтоб к первым Никольским морозам либо чуть позже отдать поросёнка на убой. Сам он, понятно, на это дело никогда бы не подписался, но прекрасно понимал, что держать у себя в хозяйстве взрослую свинью ему будет не по силам. Однако жизнь приучила Ивана не петься о будущем более чем оно того заслуживает, и он относился к Бориске ровно так же, как и к остальным обитателям своего зверинца.

Лето перевалило далеко за экватор, когда он стал замечать, что все его четвероногие в противовес двуногим всячески тшятся проявлять свои индивидуальные особенности и даже таланты. Так, соседи-дачники, а в ещё большей степени обыватели-горожане старались жить как можно незаметней, так сказать, не привлекая к себе повышенного общественного внимания — по принципу: «А мало ли что?!» А тот же, к примеру, Емельян совсем наоборот: ловил вредителей-грызунов не только у Ивана под носом, но и у ещё полудюжины благодарных ему за это членов товарищества. Карасик Ивану за такого кота даже благодарность на собрании вынес и всерьёз обещал полмашины дармового навоза.

Но если бы только мыши, которых, что ни говори, Емельян сторожил для собственного удовольствия и пропитания! Однажды совершенно случайно через Николая до Ивана дошли слухи о том, что его кот «подрабатывает» в домике у Шадриных, куда недавно привезли пятимесячного внука, мама которого сразу после родов тяжело заболела и была не в состоянии ухаживать за грудничком. Сначала младенец почти непрерывно плакал, но однажды на этот жалкий призывный голосок зашёл промышлявший поблизости Емельян. И мальчик сначала замолчал, а вскоре стал улыбаться. Некоторое время кот лизал ему ухо, что-то нащёпты-

вая при этом. Вскоре мальчик заснул, а проснулся отдохнувшим и в хорошем настроении.

Это случилось несколько раз подряд, после чего его бабушка, Мария Матвеевна Шадрина, стала окликать кота по имени, ласкать и угощать свежими карасями, которых регулярно приносил с пруда её муж. Вскоре она и сама зашла к Ивану на чай и, рассказав об этих странных отношениях, расплакалась от переизбытка чувств.

А Мальва специализировалась на пернатых вредителях: сначала гоняла с поспевающей клубники дроздов, а потом стала сторожить в чёрной смородине надоевших своим визгливым щебетом воробьёв. Примерно за месяц после начала её «воробьиной» операции воробьёв в дачном секторе, где значился участок Ивана, убыло вдвое, а то и втрое. А после смородинной возникли ещё проблемы с ежевикой, малиной, вишней и яблоками. К слову, яблоки начинали портить пернатые, а в проклёванные ими отверстия забирались осы, после чего фрукту было место разве что в компостной яме. Примеру Мальвы последовали и другие коты, кошки; со временем их фигурное хождение по садовым заборам у дачников не вызывало ни удивления, ни протеста. Разблудившиеся за каникулы мальчишки не плевались в них из трубок и не целились из рогаток. Карасик по этому поводу даже читал на отчётном собрании Есенина: «И зверьё, как братьев наших меньших, / Никогда не бил по голове».

Но перед самой осенью областная администрация объявила об открытии очередного охотничьего сезона на водоплавающую и боровую дичь — в окрестностях «Цапли» подули иные ветры.

Глава десятая

Конечно, прежде и Мария успела рассказать Ивану про охотников, которые постреливали за ручьём каждой весной и осенью. Неблизкая стрельба тревожила осторожных дачников больше, чем соседство с пришлыми, случайными людьми, от которых, как говорится, добра не жди.

Со стороны города, по дороге, петляющей лесом близ дачных оград, охотники наезжали на низинные озёрки и болотца, где жировали дикие утки и кулики. В этом лесу после их групповых наездов оставалось чёрт знает что! Гигантские тлеющие кострища, беспорядочно порубанный на дрова лес, измочаленные кусты, там и сям разбросанные останки от плодов городской цивилизации, включая ворохи использованной туалетной бумаги и гигиенических пакетов.

Увы, всё больше городских дам феминистского склада покупали ружья и шли соревноваться с мельчающим, с их точки зрения, мужичьём. Бывало, после такой охоты на берёзке или сосне вызывающим приветом консервативным огородным труженикам оставались висеть кружевные трусики.

Маша видела в этом реакцию на мужскую грубость, неумелость и, как следствие, — на растущую женскую фригидность. В этом охотники и охотницы были схожи. Вопреки всему, верную инстинкту размножения фауну они убивали прежде всего за то, что птицы и звери более всего остального были преданы влечению к противоположному полу. Чаще всего умирали они в период наивысшего кипения этой главной страсти их жизни — как токующие тетерева или барабаниющие на весь бор зайцы.

Иван не спорил с этим даже про себя, ибо привык нажимать на курок или гашетку лишь с единственной целью: выжить самому.

Первую скороговорку гладкоствольного оружия он услышал в середине августа, в сумерки с пятницы на субботу. А утром, на первые сутки осени, она уже перекрыла собой традиционную субботнюю канонаду ближнего дивизионного полигона. В ночь на воскресенье через насупленную близь опушки легко пробивались малиновые всполохи зарева, а из потрёпанного дачными несудами березняка доносились какие-то неприятные утробные звуки, словно за дорогой в мелколесье скопом испражнялось сразу целое стадо животных.

Подслеповатым утром, наскоро выпивши чаю, Иван в сопровождении Емельяна дви-

нулся через березняк к опушке. «Хоть приберём за этими клоунами, пока на участках тихо!» — объяснял он умывавшемуся за воротами коту свою утреннюю поспешность.

Емельян был не похож на остальных кошек этого мира, прежде всего тем, что никогда не плёлся за хозяином, но бодро семенил впереди. Вот и теперь он мелкой рысью бежал по натопанной грибниками тропке, легко перемахивая через обнажённые дождями узлы корней и свежие кочки древесного мусора. Возле неглубокой ложбины, за которой тропа выбивалась на открытое пространство, Емельян нерешительно остановился и мелко засучил перед собой передними лапками, как бы отрешиваясь от того, что их ждало впереди.

— Да ладно тебе, Емеля, — приободрил занервничавшего кота Иван, — мы и не такое видали! Как в таких случаях говорил Владимир Семёнович? Вот именно! «Разберёмся!»

Бережно посадив кота на плечо, Иван пошёл разбираться. Выйдя на луг, прежде горчивший пижмой, он увидел слева от тропы несколько разорванных пакетов, из которых успели выпасть где — бутылки из-под водки, где — банки из-под пива, пластиковые упаковки из-под разного продуктового ширпотреба. Справа валялся смятый, с характерно выгнутым рукавом ватник, издали более всего напоминавший издохшую свинью. И скорее всего, именно на свинью бы Иван и подумал, но ватник был сильно прожжён сразу в нескольких местах и слегка ещё дымил, распространяя пакостный животный дух палёной шерсти.

Иван осторожно опустил кота на землю и достал из заплечного рюкзака небольшой рулончик плотной ткани. Затем, раскатав его по траве, принялся складывать туда и сами брошенные пакеты, и то, что успело выскользнуть из них на лужайку.

Емельян сновал рядом и недовольно на кошачий лад ворчал. Стянув края ткани перед собой и туго перевязав их верёвкой, Иван показал коту, чтобы тот поспешал дальше. Но пройти не вышло и десяти метров, потому что путь им перегородил ствол молодой сосенки, срубленной на повороте и брошенной прямо поперёк тропы. Именно один ствол, ибо весь

лапник, содранный с дерева, был сложен несколько выше, возле замусоренного, неопределённой формы кострища, от которого густо несло терпкими испарениями, как бы выразился ротный врач Рома Симанович, «неочевидного генеза». Впрочем, «генез» в виде трёх очевидных куч благоухал под ближайшей рябиной, как будто для контраста с алыми гроздьями ягод.

Иван достал из нагрудного кармана смоченный одеколоном платок, а Емельян, брезгливо переставляя лапы, поплёлся, как было велено, к охотничьему привалу. На примятом лапнике они вновь увидели бутылки, пакеты, коробки, капроновые гильзы сразу нескольких калибров и изрешеченную мелкой дробью обложку журнала «Охотничьи просторы».

Между тем от этого безобразного лежища Ивану и в самом деле открывался залитый первыми солнечными лучами простор, тянувшийся от ручья до далёкого синего леса, за которым он ещё совсем недавно встретил Машу и после стольких лет серенького, ничем не примечательного существования вдруг всерьёз задумался о счастливой семейной жизни.

И вот нет ни Маши, ни семейного счастья... Есть лишь вот этот разлагающий осмысленную жизнь «генез», упрямо наползающий на всё самое близкое и сокровенное сразу со всех сторон. В это время, инстинктивно подняв головы на клёкот пролётного ястреба, человек и кот увидели над собой... главу государства. С какого-то постера или плаката он укоризненно смотрел на подданных сквозь скрученные от ночного огня листья. Что там кружевные трусы!..

«Такой же примерно, как и тот, что смотрел на нас тогда... при отправке на эту бессмысленную войну, — подумал Иван. — Вот мы опять воюем, и я опять теряю самых близких людей». Постояв под деревом ещё с полминуты, он перетёр ладони одна об другую и обхватил руками бугристый ствол. Сначала, пока не попадались сучья, он активно помогал себе коленями, а чуть выше стал хвататься за первые ответвления и подтягиваться. Емельян тоже примеривался следом, но Иван показал ему кулак, и кот остался внизу — увёртываться от сыпавшейся из-под хозяина берёзовой трухи. В полуметре

от цели Иван успел подумать, что охотник, прикрепивший так ловко это изображение, наверное, значительно моложе его и находится в неплохой физической форме... и едва не сорвался. Спасло то ли случайно подвернувшееся под носок дупло, то ли крупный бугор «берёзовой болезни». Стрельнувшая в самую берёзу пуговицами рубаха почти тут же прилипла к мокрому рёбрам, а кот снизу трагически мяукнул.

— Не дрейфь, Емельян, прорвёмся! — попытался успокоить Иван оставшегося на земле товарища и, оттолкнувшись от дупла, перехватился правой рукой за сук сантиметрами тридцатью выше.

Теперь Иван просто висел вдоль ствола на одной руке, не без удовольствия сознавая, что он ещё ничего себе мужик и вполне может повоевать хотя бы за своё малое отечество.

Портрет оказался так себе, на тонком картоне, и долго бы на осенне-зимней непогоде не вытерпел. Спустившись и немного отдышавшись, Иван некоторое время рассматривал хорошо знакомое всему современному человечеству лицо, словно видел его впервые. Потом аккуратно засунул картонку в рюкзак, ибо всегда был прежде всего солдатом и не любил охотников даже там, за речкой, на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря.

Глава одиннадцатая

Вообще, эти пришлые охотники неожиданно оставили в душе Ивана неприятный осадок. И как он ни пытался отмахнуться от уже закопанных на опушке куч и искромсанного леса, ощущение острой неприязни к посетившим окрестности варварам не исчезало. Как будто они не общий лес загадили, а конкретно их с Машей участок, — взяли и от скуки оскорбили всех дачников, ехидно посмеялись над их укладом, над теми правилами, которых они многие годы старались придерживаться в этом краю цветочных ароматов, беспечных бабочек и привязанных к тенистым соснякам птиц.

Ивану даже пришли на память афганские горы: ни ему, ни многочисленным его товарищам даже в голову не могло прийти такое — в

буковой рошице или ореховом подлеске, так сказать, по простоте душевной взять и... навалить куч, набросать банок, пакетов, сигаретных пачек. Даже если вдруг прихватывало живот, оправлялись бойцы с аккуратностью, прибирая и за себя, и за того парня. И эта усвоенная на войне среди чужих суровых гор привычка оставалась с ними на всю остальную жизнь.

— Ладно, — сказал Иван Емельяну однажды за завтраком, — главное, чтобы вы с Мальвой вели себя прилично, и остальные, на вас глядя, не безобразничали. А пришлые, они пришлые и есть! Что с них взять, кроме анализов?

В это время он услышал зов Николая и выскочил из сенцев на улицу.

— Иван, я тут молоком трох² разжился! — сосед победно поднял над головой зелёную эмалированную дойницу. — Неси хоть банку трёхлитровую, мне столько в одиночку не одолеть!

Иван достал из-под стола пустую банку, недавно помытую с содой. Молоко было холодным, как он любил. Глядя, как Иван с удовольствием большими глотками пьёт, Николай довольно улыбнулся и позвал его вечером на рюмашку.

...Когда сосед разлил по последней стопке, Иван кратко поведал ему о минувшей охоте за ручьём и последовавшем за ней разгуле на берёзовой опушке. Выслушав это местами нервное, а местами печальное повествование, Николай предложил выпить за христианские добродетели.

— Ты это к чему, сосед? — не понял сути тоста Иван. — Ну, пили мы в горах за участие, за прощение... за терпение пили. Но за хамство и безнаказанность — что-то не припомню. И за человеческую тупость не пили. А как раз с неё тут всё и начинается...

— Ты вот про терпение сказал, — поднял граённую «сотку» Николай. — Давай за терпение. Если хочешь, за осторожность, осмотрительность. Мой дед в детстве не раз мне говорил: «Помни, Колька! Семь раз, блин, отмерь! И ни хрена не режь!» И, веришь ли, я только к соро-

² Трохи — немного, чуть-чуть.

ка годам, набив понапрасну шишек и синяков, услышал этот его наказ. Ведь можно и не резать, верно?

— Смириться, что ли? — встрепенулся Иван.
— Дали по левой — подставляй правую?!

— На вот мочёное яблоко, — достал Николай благоухающий румяный фрукт из двухведёрной кадки. — Пей, закусывай, а я из погреба ещё банку перегона достану. Иначе, солдат, боюсь, не поймёшь ты меня, мирного русского хруснянина.

Пока Николай спускался в погреб, Иван вдосталь напился капустно-яблочного рассола и от полученного удовольствия почти полностью протрезвел.

— Ну, вот теперь можно и про этих стрелков, дьявол их возьми! — миротворчески проговорил вернувшийся с литровой банкой коричневого напитка Николай. — Я не про смирение и прощение. Просто плетью обуха не перешибёшь. Маша — царствие ей небесное — рассказывала тебе об этих визитёрах? Они здесь, на моей памяти, уже лет тридцать охотятся. Сперва вели себя смирно, без нужды не сорили и даже не ночевали в лесу. Постреляют на болотах, а пьянствовать домой едут. Тут до города-то рукой подать! На кой им здесь зады студить? Да и бабы с ними раньше никогда не ездили. С бабами удобней в цивилизных условиях... особенно по весне, когда кругом талая вода да клещи. Но постепенно и лес стал другим, и машины, и ружья, и охота, и бабы. А главное — город! Понимаешь, Иван, раньше они тоже не из-за стыда или какой-то там воспитанности себя вполне прилично вели. Нет, конечно! Просто не пакостить было куда проще, выгодней, что ли: прибрал весь свой мусор в пакеты, довёз их до свалки, которая как раз по дороге, — и все дела! Да и какой самый последний охотник станет гадить там, куда всего через сезон он вновь придет, так сказать, получать удовольствие? А тут — сотни дач и село рядом, тоже, между прочим, с добытчиками, только не лохами городскими, а потомственными, а потому крутыми, я тебе скажу, мужиками. Тут один такой городской охотник — лошара, отставной генерал, между прочим, начал беспредельни-

чать, братков с собой привозить. Так однажды взял и пропал неподалёку. И даже пуговички от него не нашли, хоть и искали целой войсковой частью. Ну, прокуратура списала на болота, на медведей...

— На инопланетян? — в тон увлекшемуся повествованием соседу подсказал Иван.

— Как ни странно, и эту версию не сбрасывали. Но скоро за ним следом исчезли бракуши, которые чужие сети пытались щупать, мерёжи выдёргивали, перемёты, жерлицы с кружками. Так вот их тоже... второй десяток лет ищут. А теперь таких охотников, а точнее хамов, которые сюда приезжают свою поганую душу отвести, стало большинство. По крайней мере, в пригородной, как ты выражаешься, зелёнке. И не только тех, кто с ружьями да бреднями сюда прутся, но и, например, городских грибников. Ты глянь внимательней хотя бы на ближний лес! По нему даже за опятами на колёсах, а то и на гусеницах отправляются, на разных там внедорожниках да круглоциклах.

— Квадроциклах, Коль, — вновь сделал ремарку Иван.

— Ну, вот я и говорю, — продолжил Николай, — что эти «внедорожники» грибы уже не собирают, а заготавливают, то есть режут, как скотину. Едут скопом за несколько вёрст на место, превращая по ходу рощи в бурелом и хлам. И за ягодами так же. И за соком берёзовым, и за живицей, и за чагой, и за берёзовыми вениками, и за шишками. А минувшей зимой один полковник явился сюда за ёлками... на БТРе. Ёлок его гвардия спилила не больше дюжины, зато молочную лосиху завалили из крупнокалиберного пулемёта. Поэтому у этих... за которыми ты недавно прибирал, давно уже иная, как нас ещё в советские времена учили, ди-а-лек-ти-ка. Они таких категорий, как стыд и совесть, не имеют в обращении в принципе.

— А что ж у них тогда в обращении? — уже больше по инерции заинтересовался Иван.

— Формальности там разные... — Коля махнул рукой. — Ну, чтоб хотя бы из пункта «А» по закону выйти. А как они в пункт «Б» доберутся, до этого никому и дела нет. На этом нынче вся наша жизнь стоит, от Кремля до самых до окраин. К примеру, охоту власти открыли?

Открыли! Это тебе пункт «А». А дальше у них — билеты, лицензии, полные машины водяры, закуси, баб! Да они уже и в городе-то валят согласно корочкам, то есть где придётся, а тут лес кругом, безлюдье... блин, птицы да звери. А у них — пятизарядные «Сайги» и патронташи в две опояски!

— Николай, вот ты говоришь, стыдиться не перед кем? Мол, все такие! — попытался возразить Иван. — А мы, дачники то есть? Это ведь, в сущности, не их, а наши леса! Ладно я, трубил по разным памирам, а ты-то ведь уже больше тридцати лет тут?! Олигархи там на нефтяные трубы сесть успели, а вы... то есть мы — дачники...

— А ты, Иван, думаешь, что дачники в наших местах не менялись? — подкладывая гостью жареных опят, зловещим шёпотом спрашивал Николай. — Этот дачный кооператив мы заводом строили. Лес валили, пни корчевали, сучья жгли, болота сушили, землю возили. Все как одна семья! И дома — плюс-минус — все одинаковые строили. Ну, по сопоставимым затратам. Теплицы — из оконных рам, парники — из слег да проволоки, даже досок для заборов на собственной пилораме напилели. Но постепенно жизнь стала меняться. Старики, которые этот кооператив организовали, стали немощными и, как говорится, вышли в тираж. Их места заняли дети, внуки, а чаще и вообще чужие им люди... с «лёгкими» деньгами. Пошли особняки, баньки со ступеньками к речке, гаражи с террасами, мастерские с фрезами и прочим электрооборудованием, а вместо огурчиков-помидорчиков — всё больше гибридные деревья с плющами да разные там искусственные корты с плиточными бассейнами.

— Ну что ж, жизнь не стоит на месте, — не то пытался возразить, не то просто размышлял Иван. — В сущности, мы и на войну ходили из-за неё, из-за достойной жизни.

— Да не блажи ты, солдат! — почти выкрикнул Николай. — Достойная жизнь — это когда ты никому не во вред. Ну, и другие тебе — тоже. Народ, как ты помнишь, на Руси всегда миром назывался. И вот ты, придя с войны, увидел мир вокруг себя? Дачники... они нынче тоже всё больше друг дружку через бруствер

разглядывают. У тебя вон по Маше ещё слёзы не высохли. Извини! А кое-кто уже под твоих зверей копает...

— Не понял! — искренне удивился Иван. — А что под них копать? Кошки, собаки, поросёнок, пчёл вот присматриваю. Кое-кто вон и целых бурёнок держит. А на кордоне в сторону «железки» и пара лошадок пасётся. Так ведь от живности никому никакой докуки нету! Или я чего-то не знаю, Коля?

— На тебя тут уже и Карасику анонимки писали, и заявы в райотдел милиции, — опустив лицо, словно от стыда, сообщил Николай своему озадаченному соседу. — Да, вишь, ничего у них пока не вышло, поскольку ты как раз гниду эту возле пруда вычислил и прищучил. Самой-то власти, вишь, уже никак: больно килу здоровую отравила!

— А на что хоть жаловались-то? — окончательно протрезвев, поинтересовался Иван.

— У нас найдут, если захотят! — убеждённо вскинул руки Николай. — Там что-то про твоё ранение, что, дескать, контуженый, больной на голову — вот и набрал бродячих животных, которые не дают спокойно жить... мирным садоводам... гнидам здешним то есть. Что кошечек-собачек твоих надо проверить на бешенство, а лучше — от греха — просто уничтожить. Вот такие у нас нынче в кооперативе дачники! Вот эти охотники, мать их... наезжают сюда весной и осенью. И каждый их охотничий сезон здесь — это череда бесчинств. Кое к кому забирались в домики через выставленные окна, ночевали в них со своими «фронтowymi подругами», по ходу ломали оборудование, мебель и воровали по мелочи. Про пальбу и лесные погромы я уж и не говорю. Но на них — ни одной официальной жалобы. Так... ворчанье и сплетни. А на твоих питомцев — вагон и маленькая тележка! Так что «резать» пока не стоит, ибо имя им — легион! Надо сперва разобрататься, откуда надуло.

— Но ведь анонимки, по закону, рассматриваться не должны! — раздражённо хлопнул себя по коленям расстроенный Иван. — Этак каждому можно статей нашить, вплоть до реальных сроков!

— И шьют, Иван, — согласно кивнул, разливая

напиток, Николай. — У нас уже и за нарушение сорок лет назад выделенных площадей штрафовали, и за разведение маков и конопли дела заводили, и за драки вязали, и за принудиловки к сносу незаконно возведенных бань, а то и нужников втыкали, и ещё чёрт знает что...

— Мак, драка, незаконная прирезка земли — это, Николай, согласишься, всё равно понять можно, — стал упрямо не соглашаться Иван. — А вот что этим анонимщикам сделали мои коты? И чем они вообще способны навредить русскому человеку?

— Абсолютно ничем! — повинно всплеснул руками Николай. — Я тебе больше скажу. Твои коты много лучше нас. Мы, сами того не замечая, берём с них пример. Не коты, так псы или лошадки. Моя мамка рассказывала... когда немцы в сорок первом подошли к их деревне — она тогда в Калининской области жила — то наши отступающие части всех колхозных лошадей без разбора мобилизовали для перевозки эвакуационных подвод и угнали куда-то далеко на Восток. Был среди них и Тобель, обший любимец, работающий и очень добрый мерин. Немцы стояли в их деревне около двух лет. А потом, когда их погнали на Запад, а в деревнях — о чём даже сегодня стараются не писать — уцелевший народишко стал пухнуть с голоду, откуда-то появился Тобель. Отощавший и ободранный... В чём душа держится?.. Но к своим вернулся. Сам! На всю деревню пахал и боронил огороды, возил дрова и сено, семена, навоз, выкопанную картошку и даже собранные на окраинах деревни снаряды и мины... До шестидесятых годов он исправно трудился в колхозе. Хоронили его всей деревней и плакали горше, чем по иному герою войны.

— Хорошо, Николай, я подумаю, — покладисто склонил голову Иван, — да и поговорить кое с кем действительно не помешает. Видно, рано я погоны снял, а война может считаться законченной только тогда, когда захоронен последний павший. Меня-то ещё и не убили...

— Типун тебе на язык, Ваня! — болезненно отмахнулся Николай, словно только что увидел дурной на пятницу сон.

Глава двенадцатая

Вечером над притихшими дачами сначала Восторожно проступили, а затем и ошеломляюще заиграли бессчётные мириады звёзд. Даже воздух от них заблестел, как от распылённой окрест золотой пыли.

— Ты глянь, Емель, по сторонам — сплошной прииск кругом! — восхищённо воскликнул Иван, когда кот пришёл к нему отпрашиваться на ночную охоту. — Идите вон с Мальвой, только осторожно, а то не ровён час... Короче, страхуйте друг дружку, как истребители: ведущий и ведомый.

Кот благодарно мяукнул и бесшумно скользнул к калитке. В это время с ближней сосны едва слышно взялась за своё кукушка. Казалось, что так необычно, словно в волшебной сказке, звучать может лишь сам золотой воздух, его задевающие друг друга крохотные дисперсы. А потому спрашивать по обычаю, сколько ему ещё осталось, Иван не решился:

— Сколько ни есть, все — мои! — сказал он вслух некоему упрямому визави, который, увязавшись за ним ещё со времён ранения и тяжёлой контузии, после появления Маши до поры оставил его в покое. И вот опять завибрировал в пространстве этот неприятный тембр.

Иван прошёл на кухню и включил настольную лампу. С некоторых пор он ввёл себе в привычку подробно записывать краткий отчёт о произошедшем за день. И не просто записывать, но и анализировать всё, в том числе и с позиций этого второго, который то и дело проклёвывался в его сознании, где-то там, за цинковой пластиной. Думать долго не пришлось, мысли о минувшем дне уже давно вызрели и легко отражались на бумаге. От неожиданности и удивления он даже стихи своего знакомого поэта Юры Бекишева вспомнил:

*И удивился, что легки
Дни и его преображенья, —
Вся жизнь плыла по дну реки
И не имела отраженья.*

Как ни странно, но отчего-то история с охотниками уже не впервые воскрешала в

Ивановой памяти лик незабвенного университетского приятеля Лёвы Клушина.

— Да он вроде и не охотился? — пытался возражать визави.

— Это смотря что разуместь под охотой! — ехидствуя, не соглашался Иван. — Клушин в аккурат такой же охотник, как шолоховский Македонский — полководец: пришёл — увидел — наследил.

Визави, конечно, ещё что-то там пыжился и нервно кашлял, но стопроцентных резонансов опровергать уже не мог. Добавил лишь с укоризной:

— Ведь ты сам говорил, что он клептоман. А значит, больной. Суд бы его оправдал.

— Да определил бы в психушку, в дом скорби, как считали в старину. Ты полагаешь, это лучше, чем чистый срок?

— Не знаю, не сидел, — честно признался визави.

— Зато воевал вместе со мной и должен...

— Стоп! — зло рывкнул визави. — Ты, однако, забыл, что я тебе ничего не должен! И если ты живой до сих пор...

— Молчу-молчу, — потупился Иван и вывел в своём дневнике большой вопросительный знак. Потом, немного подумав, добавил ещё и восклицательный. В это время под полом заёрзала мышь, и Иван стал злиться на Емельяна, который, как все русские лю... (он едва не сказал про кота «люди»), думает прежде всего о звёздах над головой и лишь потом... иногда о том, что под ногами.

— Емельян, Мальва, чёрт вас дерит! — заорал он в открытую форточку. — Бросайте ваш лес и — живо в подпол! Чтоб к утру подо мной ни одного шороха! И ни писка! На утреннем разводе проверю!

Отложив дневник, Иван отправился к поросёнку Бориске, у которого весь день был плохой аппетит. Тот, услышав скрип дощатой дверки, тут же встрепенулся и вперил в вошедшего хозяина оба своих жёлтых глаза. Иван присел на одно колено и стал чесать ему сначала за ухом, а потом аккуратно от шеи к пяточку. Поросёнок мелко захрюкал и задремал, потому что кормёжки ему, как всегда, было задано впрок и он научился у хозяина не съедать всё сразу.

Куры к этому не позднему ещё часу досматривали уже десятые сны, и из сарая напротив, где они дремотно возились на насесте, едва доносилось одно лишь петушиное ворчанье, этакая странная смесь кошачьего шипа и собачьего скуления.

Иван, не желая тревожить куриц, осторожно обошёл-таки сарай вокруг, внимательно высматривая под косым фонарным светом характерные следы хорька, лисицы или иной какой охоты до свежей курятины лесной живности. Но ни следов, ни тем более попыток проникновения под птичник, к своему успокоению, не обнаружил.

Где-то за чёрным лесом тяжело застучал на стыках пролётный товарняк и, коротко просигналив полустанку, стал быстро истаявать на севере, под крупной синей звездой. И Иван вдруг вспомнил, как ещё совсем недавно они с Машей смотрели на эту всепоглощающую синь с опушки, о чём-то говорили... Но вот о чём, он вспомнить уже не мог, как ни старался.

В это время где-то неподалёку, очевидно, сразу за прудом, стал разгораться то ли припозднившийся застольный дебош, то ли дежурный семейный скандал. Похоже, отношения взялись выяснять две нетрезвые женщины и несколько поступательно звереющих мужиков. Сперва это была всего лишь перекрёстно-матерная перебранка, но вскоре послышались тяжёлый мужичий топот, сочный чмок оплеух и пронзительный женский визг. А дальше затрещал выдираемый штакетник, отчаянно зазвенела лихо высаженная зудящими телесами оконная рама.

Иван подошёл к крыльцу и, решительно выдернув из-под навесной крыши продолговатый цилиндрок, левой рукой косо поднял его над головой, а правой выдернул и рванул книзу короткий упругий шнурок. И тут же в сторону пруда со зловещим воем понёсся тёмно-красный тревожный зрак. А когда этот неприятный вой истончился до запредельных для человеческого уха частот, над дачами вдруг брызнули сразу на все стороны яркие огненные цветы осветительной ракеты. Тишина стояла поистине кладбищенская! И даже после исчезновения в дачном пространстве последних флюидов фосфорной взвеси больше за

прудом никто не дрался, не ругался и даже не разговаривал.

Только набожная, живущая за Николаем соседка тётя Надя вполголоса читала «Богородицу» и «Отче наш». А удовлетворённый разливающейся по округе благодатью Иван взял две ловушки с прикормом и понёс их ставить под илистый берег пруда, где, по его недавним наблюдениям, обитал средней величины налим, которому уже давно не хватало придонной прохлады, а может быть, и подходящего прикорма.

Над стеклянной поверхностью пруда уже шевелился ночной эфир, этакая едва уловимая разделительная полоска между водой и воздухом, рыбами и комарами, бороздками осторожного хода двух ондатр и тающими линиями пролёта пары реактивных самолётов, звёздами кувшинок и протуберанцами звёзд. Осторожно опустив плетёные из ивняка ловушки на росистый берег, Иван присел и сам на оставленные кем-то из рыбаков картонки.

Неподалёку от него соревновалось в вокале сразу несколько лягушек, а на другой стороне водоёма, за тонкой занавеской тростника, начинала басить выпь. И чем глубже впитывал Иван эту ночную дачную явь, тем нелепее представлялось ему всё произошедшее недавно с Машей на этой тёплой живой траве.

Чтобы не впасть в страшную немоту полного непонимания, он стал изучать спуски к воде и прикидывать длину заброса и примерную глубину погружения снастей. Ловушки на деле были обычными, слегка вытянутыми, сужающимися ко дну корзинами с лёгкими сетчатыми вуалями, раздвинув которые, рыба легко могла зайти вовнутрь и поглощать там специально приготовленную для неё приманку. Конечно, какая-то, поспешно отужинав, непременно уйдёт, а какая-то, как это случается, например, с вальяжными людьми, не успеет.

С этой успокоительной, почти философской мыслью Иван, надёжно утвердившись левой стопой посередке песчаной кочки, легко метнул правой рукой первую ловушку. Она плеснулась всего в сажени от него, растробом — в аккурат к берегу. Как в точности было и задумано. Дождавшись, пока корзина ляжет на

дно и выровняется, он несильно натянул привязанную к ней верёвку и прикрепил её к заранее воткнутому в берег колышку. Вторую ловушку он поставил ближе к противоположному берегу пруда, в затоне, под обрывом. Вышло надёжнее как с учётом берегового рельефа, так и заметной разницы глубин. Если не повезёт на неглубоком песчаном дне, то удача вполне может улыбнуться в глубоком затоне.

«Кажется, здесь неплохо клюёт карась, — стал вспоминать Иван, — а под обрывом гуляют налим и краснопёрка». Сидеть на берегу дольше не имело никакого смысла: во-первых, здесь запросто могут вернуться горестные мысли, а во-вторых, проверять ловушки принято на рассвете, а часы показывали уже ровно полночь, и спать осталось едва ли часа четыре.

Возвращаясь к дому, Иван уже не замечал ни луны, ни золотого сияния, ни нарастающего стрекотания цикад за частоколами уснувших дач. Ему вдруг стало не по себе от предчувствия заждавшегося его приступа «чёрной» болезни, от той нескончаемой пустоты, которую она неминуемо приносила с собой, и многих безрезультатных попыток хотя бы на время преодолеть её.

Глава тринадцатая

«Под утро его зазнобило», — эту фразу из какого-то чрезвычайно популярного и вместе с тем пошлого советского детектива Иван слышал из-за печной дверки, когда его петух Хасан только что вывел своих хохлаток на первый завтрак.

— Слушай, дружище, а нельзя услышать что-нибудь из братьев Вайнеров, Стругацких, Гримм или хотя бы отца или сына Дюма? — недовольно зевая, испросил подкрашенную косым лучом востока голландку Иван.

— Но я же вижу, осень близится и тебя знобит! — деловым тоном возразил визави. — Дон Румата и Д'Артаньян всегда благодарили своих визави поутру, а ты вечно бранишься. Между тем в Афгане сам порицал за это вялых со сна солдатиков.

— Ну что ты всё время придумываешь? —

уже более спокойно и без зёва отвечал Иван, усаживаясь на постели и вставляя босые ступни в стоптанные кроссовки. — В Афганистане тебя ещё не было. Ты пристал ко мне после госпиталя.

— Я пристал? — донёсся медленно удаляющийся по печной трубе голос. — Ты сам меня об этом попросил. Кстати, как и накануне вечером. Ты гляди, со своим Колей все остатки памяти пропёшь! Ладно, пойду я от греха.

Осторожно погладив заметно нагревшуюся затылочную пластину, Иван достал из старенькой «Бирюсы» банку с домашним, взявшимся поверху сливками молоком и позвал Емельяна. Тот явился вместе с Мальвой.

— Ну вот, я теперь один, — без всякого выражения констатировал Иван, — а у тебя вместо любящей хозяйки появилась просто любовница. Как говорит Николай, «диалектика», то есть даже самые неблагоприятные события влекут не одни лишь потери. Кому-то всегда обламывается... Вчера — мне, сегодня — тебе, а завтра — вон Мальве. Принесёт нам с тобой котят! Пейте молоко и айда на берег. Уверен, что, по крайней мере, мелочи для вас наверняка добудем.

Петух Хасан в это время уже созывал свой гарем к насыпанному с вечера пшени.

...Емельян с Мальвой объелись уже на берегу, куда Иван осторожно выволок свои конусообразные плетёнки. Как он и предполагал, повезло больше под берегом, на глубине. Но налимов не было нигде: то ли оказались самыми проворными, то ли, наоборот, не успели как следует разнюхать. А может, подкормка не по ним вышла: они, говорят, любят падаль, а Ивана от любой падали воротило больше, чем от свежей говядины.

А мелкого, в пол-ладошки карася изрядно набилось в обе ловушки. Ещё в ту, что на глубине, угодило полдюжины краснопёрок, а на отмели — несколько средней величины пескарёй.

Когда возвращались, Емельяна даже показывало от обжорства, а Мальва, как всегда, ела изящно и в меру. Иван за этим её процессом наблюдал с нескрываемым удовольствием.

Сара, дожидавшаяся процессию на крыль-

це, вильнула хвостом, глянула на улов почти с ненавистью и хотела даже обидеться, но Иван умаслил её опалённым свиным ухом, и она, разомлев, залезла хрустеть под дом.

Пёсикам Лёве и Филе тоже кое-что перепало, а равно и травоядным. Впрочем, Бориска, как все свиньи, был «не разбери — поймёшь» кем — мёл всё подряд, что бы ему хозяин ни накладывал в корытце. Одна козочка Жанна терпеливо ждала в хлевушке, когда её поведут на лужайку. Однако все окрестные лужайки уже изрядно порыжели и обестравели, а потому Иван размочил и намял козе чёрствого хлеба, добавил в него пару варёных картофелин и брюквочку.

После этого, поблагодарив Хасана за организацию кормёжки, Иван решил чифирнуть сам. Крепкий чай по жизни частенько заменял ему сразу и вино, и табак. Он поставил на плиту потемневшую от крутых заварок турку, налил в неё на две трети родниковой воды и досыпал доверху недорогой заваркой, ибо для приготовления чифирия качество чая почти не имело значения. Потом тонко нарезал свежую булку и аккуратно покрыл ломтики слоями солоноватой брынзы, к которой прикипел в Афганистане.

Чифирь получился гуще пива, только что без пенки, но по вкусу вполне смаживающим на чешское тёмное. Сахару Иван не ел тоже с Афгана, откуда привёз ещё и диабет. Кстати, крепкий чай лечил ему и посаженную поджелудочную, и почти полностью нивелировал сахар крови, а потому, как бы ни настаивали доктора, инсулина он так и не колол, опасаясь всякой привязки к шприцам и вообще любой зависимости от чего-либо: курева, водки, конопли, маковой соломки, транквилизаторов, кокса.

Одно время он года два круто сидел на кодеине, который научился добывать из свободно продававшихся до поры таблеток от кашля. Потом смог завязать, а вот его госпитальный приятель Андрюха Санталайнен не смог и уже давно лежит на новом неухоженном лысом кладбище, прилипшем к грязному низинному шоссе на Москву. Умер Андрюха от цирроза, потому что для пушей одурелости запивал аптечные колёса пивом, объясняя это тем, что раз с пивом — значит, он ещё не наркоман. И

вот многие наркоманы выкарабкались, а российский офицер давно в могиле.

Понемногу млея от второй кружки чифирия, про себя Иван так до конца и не понял: наркоман он или нет, шизофреник или нормальный с небольшими особенностями, инвалид или до сих пор... офицер. Впрочем, подумал он в полном равнодушии, наверняка всё это вместе в одном флаконе, а в придачу ещё и тайный садист, потому что до сих пор жалеет, что не отрезал Машиному убийце уши и вообще не искрошил его на комбикорм лесному зверью. Титановая пластина на затылке от такого поворота мыслей тут же нагрелась, и визави посоветовал «сменить тему»:

— Сходил бы ты лучше за лисичками! — предложил он с неожиданным энтузиазмом. — Отсюда видно, как они там, возле самой тропы, желтеют. С ними и возни — ноль, потому что не червивеют и не гниют. Недаром вся Европа ими объедается...

— Ты же знаешь, что я не люблю ни лисичек, ни Европы, — попробовал возражать по привычке Иван, но потом согласно махнул рукой и полез в шкаф за лёгким пластмассовым ведёрком.

Поскольку собирание грибов Иван почитал священным действием, он не взял с собой на сей раз ни Емельяна, ни Сары, которые было увязались за ним из необходимости исполнения своих служебных обязанностей и неизбежной внутренней потребности — быть всегда рядом. Иван коротко дал понять им, что справится один, и скользнул на тропу.

Стайку лисичек он заметил сразу, под старой берёзой, они желтели куда ярче уже лежащей там и сям древесной листвы и спутанных пучков увядающего черничника. Но лисички, как говорится, могли и потерпеть, а вот за ручьём в осиннике могли поджидать и боровики, которых пронесли вчера мимо его дома сразу несколько корзин.

На самом ручье было пусто, лишь следы покрьшек, отчётливо обозначенные на прибрежном суглинке, говорили о том, что минувшим вечером его переехала не самая лёгкая легковушка, скорее всего, внедорожник. Впрочем, выстрелов с болот поутру не долетало, а потому

особой смуты в Ивановой душе эти рубчатые следы не вызвали. Да и мало ли таскается туда и обратно по этой сквозной — от большака до большака — дороге разного обременённого хозяйственными нуждами народца?!

Сразу за ручьём Иван повернул к ближайшему лесу, окружённому низкорослой помесью сосны и осины. В ней-то и следовало посмотреть боровика, а где — и крупного подберёзовика-переростка. Молодого приземистого гриба в сентябре уже не найти: листва падает, высокая трава оседает, и грибы в таком окружении обречены на неразличимость и постепенное поглощение лесным подзолом.

Первый подосиновик Иван срезал уже на самом краю подлеска, несмотря на то что краснел он в аккурат на вытоптанном предыдущими грибниками косогоре. За первым последовал второй, а там и третий. Иван всё делал неторопливо, явно растягивая удовольствие и тщательно прикрывая ведёрко от попадания в него разного лесного сора, который, накрепко въедаясь в грибы, после возвращения домой превращал приятную процедуру их осмотра в бесконечно-мучительную чистку.

После небольшого перехода через пустой ольшаник Иван ступил в молодой сосняк, где ему попалось сразу две семейки осенних маслят, которые, в отличие от летних, хоть и не были столь налиты и свежи, зато совершенно не зачервивели. Потом на склоне оврага Иван поскользнулся на укрытой мхом шляпке чёрного груздя и, невольно выругавшись, обнаружил чуть ниже стайку розовых волнух. Так он и добрал свою весьма обширную пластмассовую ёмкость одними яркими и пахучими солонухами, чему несказанно радовался и даже достал запасной пакет под новые находки.

Но грибы внезапно исчезли, а с заметно опустившегося неба стала то и дело соскальзывать мелкая, но частая влага. Всё окрест сразу потускнело и выцвело. Пришла пора подумать о возвращении. И в это время совсем неподалёку лес качнуло сразу двумя характерными выстрелами: сухим и коротким — из нарезного оружия и раскатистым дуплетом — из охотничьего ружья.

Иван от внезапности даже на корточки при-

сел и, как ему показалось, ощутил свист разрываемого дробью воздуха. Но страха не было, было любопытство, а ещё едва уловимая горечь дремавшей до срока расплаты... Расплаты за поруху, в которую превращают вполне устроенную человеческую жизнь назойливо точащиеся из всех щелей нынешнего российского пространства мутные ручьи распознанного ещё афганским военврачом «генеза».

Глава четырнадцатая

Лёва сидел на раскладном стуле и неторопливо рассматривал копошащихся в низине дачников в окуляр оптического прицела явно войскового СКС. Иван узнал Клушина с первого взгляда, как только неожиданно вышел к своему же дачному кооперативу, только с противоположной, вершинной его стороны. На мокрой, но ещё тёплой еловой опушке пахло всё той же палёной шерстью и отчего-то кровью. И через мгновения Иван понял отчего. В нескольких метрах от Клушина лежала примерно такая же свинья, какую он видел там, на опушке возле своего дома. Только это была самая настоящая дикая свинья, а отнюдь не прожжённый ватник. И кровь из рыже-серой туши сочилась настоящая, и даже палёному запаху взяться было больше неоткуда, ибо окрест ничего не горело и не дымило. А между тем Лёва поднял свою с неизменно аккуратной седоватой шевелюрой голову и с вполне искренним изумлением пропел:

— Ба-а-а!

Сидевший от него справа немолодой мужчина в камуфляже настороженно поднял красивую дорожную двустволку и обратил к Ивану неприятный равнодушный взгляд. Казалось, в нём мелькнул на короткое время вопрос: «Может, пристрелить тебя на всякий случай?»

Иван не ответил ни на это удивлённое «ба!», ни на «равнодушный» вопрос. Он с укоризной смотрел на застреленную только что свинью и как-то странно молчал, словно пообещал Лёве неизбежного не там, на ещё советском Памире, а вчера вечером, после того, как славно закусили с соседом Колей жареными в сметане

пескарями. Помнится, он тогда сказал довольному посреднику Клушину, уже имея на руках афганское предписание: «Дурак ты, Клушин! Но не потому, что я с твоей подачи на войну уезжаю, а потому, что умрёшь ты не своей смертью!» И вот он теперь здесь, в лесу, сидит на раскладном стуле с карабином в руках и, возможно, думает, чем ему на это обещание «не своей смерти» ответить.

— Кабана-то зачем грохнул, — не обращая внимания на мужика с двустволкой, спросил Иван без вопросительной интонации. — Да ещё и свинью. Сейчас не сезон. И из карабинов здесь не стреляют, люди здесь кругом... мирные.

Воцарилась тишина, как тогда после сошедшего с вершины селя. Иван не боялся Клушина, даже встретиться они не на краю дачного посёлка, а в какой-нибудь таёжной глухомани или там, на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря. Да, чужими руками он мог жестоко отомстить кому угодно, но свои чувствительные шаловливые ручонки с университетских времён неукоснительно держал в белых перчатках. А того, который сидел с двустволкой, Иван с первого взгляда вычислил как Лёвиного прихвостня. И потом фактор неожиданности ещё никто не отменял, а Лёва без тщательного обдумывания никогда ничего серьёзного не предпринимал. Между тем охотники явно пришли в себя и, переглянувшись, решили вступить в разговор.

— Что ж, — начал Клушин, — давай обойдёмся без сантиментов. Кабана мы завалили случайно. Вот вышли просто поупражняться да оружие проверить, а тут кабаны... целое стадо. Свирепые. Секач их вёл клыкастый. Они бы нас в минуту по этим ёлкам размазали! Вот и пришлось их пугнуть. Так уж получилось.

— Давай и тебе отрежем сколь надо, — вступил в разговор второй охотник. — Не пропадать же мясу, раз уж так вышло!

— А пару недель назад, на открытии охоты, разве не вы возле ручья отдыхали? — всё так же, без выражения, спросил Иван. — Вот случайно нашёл «Охотничьи просторы» с твоим, Лёва, домашним адресом, который я, представь себе, до сих пор помню...

Вновь воцарилось полное безмолвие, только Лёвин напарник непонимающе вертел головой и дёргал вертикально расположенными стволами ружья.

— А ты, мил человек, оставь свой вертикал в покое, а то ещё чего доброго застрелишься ненароком, — холодно посоветовал Иван нервничающему мужчине и неожиданно быстро оказался у него за спиной.

Солонухи при этом веером рассыпались по поляне, а выронивший карабин Клушин почему-то опять произнёс изумлённое: «Ба!»

Между тем Иван уже успел снять двустолку с предохранителя и отступить от сидевших.

— Ещё кто с вами есть? — глухо спросил он и сделал концом стволов знак, чтобы охотники встали.

Больше с ними никого не было, а потому Иван приказал им погрузить кабанью тушу в стоявший неподалёку «УАЗ», а затем усадил на передние кресла и Клушина с товарищем.

— Мстишь, Иван? Ну-ну! — с трудом сдерживая злобное раздражение, не то спросил, не то констатировал Клушин. — Только чего ты этим добьёшься? Ты, боевой офицер, герой Афгана?... Из-за какой-то грязной свиньи...

— Ошибаешься, товарищ посредник! — ощущая поднимающийся внутри холодок, возразил Иван. — Я не герой, а всего лишь инвалид первой группы без пальцев, без глаза, без половины черепа с эпилепсией и диабетом в придачу. И я не мшу, а всего лишь поступаю с тобой, как со стукачом и клептоманом, которого не посадили по позорной статье только потому, что я не захотел омрачать память своего отца, которого ты обворовал и в общем-то предал. Поэтому сиди молча, а то и в самом деле умрёшь до срока... рядом с этой вот свиньёй.

После этого Клушин по приказу Шитова послушно запустил двигатель и, нажав на стартёр, стал крутить тугую баранку. Его сгорбившийся приятель сидел рядом и хмуро смотрел на разбитые грязные колеи.

— Давай рули вниз, а потом налево, к мосту, — по-прежнему обыденно командовал Иван, которому на время отчётливо показалось, будто он где-то на Памире возвращается на свой КПП. —

Въезжаешь после моста в ворота и справа увидишь правление. Возле него и глуши.

Когда Карасик увидел вылезавшего из машины Клушина, Ивану показалось, что он его знает. Но при извлечении застреленного кабана председатель принял отстранённый вид и весь подобрался.

— Алексеича, что ли, с кордона вызывать? — спросил он у невозмутимого Ивана. — Он как раз к леснику нашему приехал на «Ниве» своей. Пусть вон идут ко мне в правленье и там разбираются. Не моё это дело, Иван. Извини!

— Ладно, разберёмся! — не стал спорить недовольный такой репликой председателя Иван. — Хотя охотятся они на нашей территории... Не столько охотятся, сколько портят наши угодья вокруг и про дачки наши не забывают... Вы-то с вашим правлением в центре живёте, вам — что? А вот тем, кто по окраинам, возле ручья, как покойная Мария, достаётся каждый сезон. Иль забыл, председатель?

— Ладно, я своё дело знаю, — нахмурился председатель и стал громко кричать в трубку что-то про свиней и нарезное оружие. Старый Карасик действительно дело своё знал туго. — Выезжай, Алексеич, ждём в правленье. А мы пока тут чаю попьем для ясности, — почти весело закончил он разговор и в самом деле позвал всех согреться чаем или чем ещё.

Пришлось идти и Ивану. Но в помещение он входить не стал, а глотнул из коньячной фляжки в заставленных садовым инвентарём сенцах. Охотнадзор Пётр Алексеевич Пуляев прибыл через десять минут, как и обещал, когда все уже вышли на лужок возле моста. Увидев Клушина, инспектор несколько опешил.

— А вы, простите, кто будете? — подозрительно обратился он к стоящему с ружьём Ивану. — И почему с оружием?

— Это вот его оружие, — указал он Пуляеву на клушинского товарища. — Он из него только что кабанью матку уложил здесь неподалёку. На моих глазах. Поэтому я здесь. И с оружием, чтобы господа браконьеры часом пятки не смазали.

— Я думаю, это лишнее, — с наигранной уверенностью сказал инспектор. — Думаю, это

вполне себе солидные господа и смазывать пятки не из их привычек.

— Давайте мы как-то загладим свою вину перед охотничьей инспекцией, — простодушно предложил Лёва. — Например, моя организация выделит вашей двести тысяч рублей на приборы контроля, оружие, патроны, тот же корм для кабанов в зимнее время. Вынужденно мы эту свинью убили, можно сказать, в порядке самообороны. А карабин взяли, потому что он ещё не пристрелян. Вот и хотели...

Пуляев вопросительно глянул на Ивана, словно испрашивал его согласия на не совсем законную сделку.

А в это время под Ивановой пластиной мучились две мысли: про и контра. С одной стороны, Иван не любил всех этих протоколов, штрафов и формальных покаяний и сознавал, что живые деньги для окрестных лесов много полезней. Но с другой — из его памяти не уходили искромсанные берёзы, все эти банки, бутылки, пакеты, пачки, кучи — отходы хамства и распада, которые упрямо сеяли окрест города, словно всё так и было задумано.

В голове Ивана роились мысли: «Только вот когда и кем? Неужели Клушиным ещё того, университетского, времени? А кем же ещё? Конечно, такими, как он! И есть во имя чего. Он сейчас отставной полковник и президент какой-то отнюдь не бедной компании или директор коммерческой фирмы. А я кто? Убогий инвалид, хозяин полудюжины бродячих собак и кошек. По всему видно, они загодя готовили и приближали это своё время. И вот оно пришло. Вон и инспектор перед ним тут же залебезил, и если б не я, то наверняка отпустил бы его на все четыре стороны, поскольку так ему безопасней. А мне? А мне — наоборот: чем опасней — тем притягательней! Это я с Жоркой Гессом мочил духов на перевалах, я жевал сухари в засадах на караваны и сгорал на плоскогорье под прямыми лучами этого дьявольского светила в середине афганского лета. Да и в госпитале я, а не он, рвал на себе кровавые повязки и грыз потные наволочки и простыни. Теперь я должен сделать ему ручкой и пожелать, как в том мультфильме про джунгли, удачной охоты? Нет, у нас не

бесконечные зелёные джунгли, а всего лишь куца, наполовину вырубленная и искромсанная такими вот лёвами пригородная лесополоса, в которой я пытаюсь после всего пережитого по вине этих расчётливых циников обрести хоть какой-то вымученный покой. Нет, Лёва, ты зря прикрываешься своей организацией. Ты хотя бы за эту дикую свинью ответишь сам. Ответишь по закону, не более того. Заплатишь штраф, компенсацию за убитого кабана, карабин у тебя отберут, журналисты про тебя какую-нибудь бяку накропают. Ты ж наверняка в местную думу собрался через пару месяцев, ближе к Новому году. А потому надолго запомнишь эту охоту, что на земле всё-таки довольно тесно и что, прежде чем делать пакости ближнему, надо хорошо подумать о себе самом».

— Вот что, товарищ инспектор, — глядя в глаза Пуляеву, всё так же без интонации заговорил Иван, — я, майор в отставке, демобилизованный после тяжёлого ранения в Афганистане, был свидетелем охоты вот этих двоих господ на кабана. С этой охоты я доставил их вместе с добычей сюда, в правление садоводческого товарищества «Цапля». Вот убитая свинья, вот орудие убийства, вот стреляные патроны и гильза от карабина, а вот сами браконьеры. И мне абсолютно всё равно, кто они, чем заняты и что возглавляют. Давайте я подпишу протокол, и делайте с ними что посчитаете нужным. Но предупреждаю, что ход и судьбу этого документа я обязательно проверю.

— Зря ты так, Ваня, — зло сузив глаза, проговорил Клушин и, криво усмехнувшись, сплюнул ему под ноги.

Иван ударил беспалым кулаком точно в подбородок. Клушин сперва тяжело сел на чахлую с бархатцами клумбу, а затем повалился на бок. Пуляев проворно отпрянул от потерявшего сознание браконьера и испуганно уставился на двустволку, по-прежнему находившуюся в Ивановых руках.

— В правильном ты, Пуляев, направлении смотришь! — похвалил Иван. — Я не вполне нормальный после ранения, — он повернулся к инспектору спиной и показал ему свой титановый затылок, — и мне в случае чего много не

дадут. А скорее всего, вообще ничего не будет. Так что делай всё по уму, а потом и спи себе спокойно.

Пуляев согласно кивнул и даже, как показалось Ивану, сказал: «Слушаюсь!» — и хотел отдать честь, но в последний миг, уже доведя правую руку до виска, судорожно сложил раскрытую ладонь в кулак и прижал её к ляжке.

Иван, в свою очередь, положил двустолку на лужайку и стал ждать, когда инспектор закончит составление протокола. Ждать пришлось довольно долго, потому что инспектор, явно нервничая, дважды портил бланки и даже сломал ручку. Кое-как оклемавшийся Клушин долго не мог понять, где он находится и чего хотят от него, бывшего штабного офицера и состоятельного бизнесмена, эти странные, плохо одетые люди со свирепыми лицами.

Глава пятнадцатая

Вскоре после истории с Клушиным Иван стал замечать, что его впервые столь явственно потянуло к университетским пристрастиям, от которых надолго отучили армия, война и ранение. Многие годы он был абсолютно убеждён: начини он читать и напрягать свой мозг кантовскими императивами — и в его кое-как прикрытом титаном мозгу запустится самоуничтожение. В лучшем случае он навеки пропишется в сумасшедшем доме, где современные транквилизаторы доведут остатки его зыбких связей с миром до чисто гипотетических формальностей. В худшем — он вообще перестанет осознавать себя и преобразуется в овощ: ему пришлось наблюдать таких даже в военных госпиталях, не говоря уже про специальные отделения «психушек». Нет, лучше «посох и сума» или вообще исчезнуть с лона земного, тем более что такой финиш не за горами.

Но с недавних пор визави про него забыл. То есть, говоря прямо, шизофрения вдруг взяла и куда-то делась. Распив со знакомым психотерапевтом бутылку коньяка, Иван узнал, что такое порой случается «на фоне позитивного

стресса». Иван стал жадно читать, а потом и записывать усвоенное в специально купленную тетрадь. Получались уже конспекты, а тяга к дневнику, изначально предполагающему раздвоенность, по ходу стала заметно угасать. Это состояние было куда естественней того, которое он влачил после ранения в Афгане, хоть внешне ни образ его жизни, ни сам он несколько не изменились.

Разве что один Емельян почувствовал эти перемены в хозяине. Но и это привело лишь к тому, что кот стал ещё роднее и ближе. Каждое утро он будил Ивана: настойчиво теребил его нос, расчесывал свалявшиеся за ночь усы. Запрыгнув на хозяйский диван, кот осторожно начинал водить лапой-грабелкой над верхней Ивановой губой — сверху вниз. Сначала Иван сопел, но вскоре начинал чихать и просыпался. Некоторое время они сидели с Емельяном в блаженном полусабытии, а потом отправлялись на крыльцо умываться. Так, с отдельными исключениями, начиналось почти каждое утро.

Однако второго ноября Иван встал раньше обычного и неожиданно для самого себя вышел растереться первым снегом. Спавший на шкафу под потолком Емельян с готовностью выгнулся дугой и вопросительно мяукнул, но Иван указал коту, что пока не до него.

На улице было не холодно: видимо, снегопад подошёл к «Цапле» на холке циклона. Иван легко стянул с себя тёплую рубаху, майку. Снег был совсем свежий, но из-за плюсовой температуры уже начал слипаться, отчего льнул к телу и не спешил валиться под ноги. Пришлось, как в парилке, обрабатывать себя веничком, а потом насухо растереться полотенцем.

С улицы Иван вернулся красным и возбуждённым, обуянным стремлением решать какие-то накопившиеся за осень проблемы. «Съезжу-ка я нынче в город, — убеждённо сказал он себе, — заплачу за квартиру, закуплю продуктов и насчёт автокредита разужнаю. Давно пора. «Девятка» моя, кажись, уже всерьёз кашляет...»

Поставив чайник, Иван отправился к курам, Жанне и Борiske, которых следовало накормить с запасом. Живность под навесом

циклона вела себя вяло, и даже поросёнок почти не хрюкал, а лишь благодарно лизал хозяйскую ладонь и часто вертел хвостиком. Козочка тоже... польстилась лишь на хлеб, а сухой душистый клевер оставила на потом. Квёлых кур на сей раз пришлось угощать мятой картошкой с крапивой и яичной скорлупой. Собаки получили свои косточки и вчерашний суп, а Мальва с Емельяном пили на кухне утреннее молоко.

В наступившей окрест чавкающей истоме Иван принялся одеваться. Сунулся за документами — вечно они не вовремя исчезают с глаз, заставляя тратить на поиски драгоценное время. Наконец всё было собрано и сложено на заднем сиденье автомобиля. Рассчитывая вернуться через несколько часов, Иван обошёлся без наказов и прощаний, а просто запустил двигатель и нажал на стартёр. Возобновившийся снегопад мигом заслонил всю заднюю панораму, а замаскированная снегом разбитая дорога быстро отстранила его от заоконной лирики.

В городе всё закрутилось не по плану. Универсам возле дома неожиданно закрыли на переучёт, в расчётно-кассовом центре пришлось выстаивать длиннющую очередь, а для оформления кредита на новый автомобиль не хватило какой-то военно-врачебной справки для предоставления положенных инвалиду войны льгот. Поэтому сначала пришлось бежать в военный госпиталь, где Иван последний раз подлечивался, потом — в нотариальную контору, потом — терпеливо выслушать преклонного возраста соседку, которая поливала в его квартире цветы, потом — объехать несколько магазинов и по дороге перекусить в кафе. Словом, когда программу-минимум худо-бедно можно было считать выполненной, на город опускался вечер.

Заперев в потёмках квартирную дверь, Иван с облегчением направился к оставленной возле подъезда машине. По дороге почувствовал нервную вибрацию сотового в грудном кармане. Звонил Карасик. Слышимость была отвратительной, но главное Иван понял: его дача в огне, вызвали пожарных, они ещё не добрались. Перед тем как сесть за баранку, Иван

вызвал на дачу милицию, поскольку мало сомневался в поджоге.

Торопиться вроде как уже не имело смысла, но он спешил. И толкало его к этому отнюдь не горящее в эти минуты имущество и даже не обязанность перед Машей. Иван никак не мог отделаться от укоризненных взглядов своих четвероногих, которые сумели вылечить его от самой тяжкой, самой безжалостной и наверняка бы убившей его болезни, — болезни вселенской тоски и одиночества, от которой так и не придумали лекарств и которая почти всегда рано или поздно приводит заболевших к печальной развязке.

Ещё воинственные индейцы, пролившие реки чужой и своей крови, называли её «страной печального вечера». Иван как никто понимал их. Подъехать к даче, а точнее к тому, что от неё осталось, ему не удалось, поскольку всю узкую дорожку между забором и опушкой занимала огромная красная машина, пожарные рукава, какой-то дымящийся скарб и равнодушные в робах люди. Ивану показалось, что работали они нехотя, ибо рассчитывали тушить нечто более серьёзное, а не старый деревянный домишко с убогими сараями по краям.

Иван рывком отворил ещё тёплую закопченную калитку и сразу понял: куры, поросёнок и коза наверняка сгорели. Опять этот преследующий его в последнее время тяжкий дух палёного, разбросанные по огороду обгоревшие перья и какая-то непривычная для его жилища тишина. Шевыряться в головешках он побоялся, а потому на какое-то время застыл в нерешительности. В чувство его привёл Николай, который тоже только что подъехал из города и изрядно пах пивом. Он усадил стремительно теряющего силы Ивана на уцелевшую ступеньку, на которой прошлым летом умерла Машина мама, старенькая учительница, и с жаром стал его в чём-то убеждать. Но Иван ничего не слышал — покорно мотал головой и тёр себе щёки замасными сажей ладонями.

Из всех его питомцев нашли только обгорелого Емельяна, который невероятным образом сумел просочиться в подпол и схоронить-

ся в сыром заплесневелом углу. Командир расчёта принёс его на куске смоченного холодной водой брезента. Особенно сильно у кота обгорели лапы, уши и хвост, и он, учуяв хозяина, по-кошачьи заплакал.

В это время прибыла милиция.

Иван отнёс кота на опушку, осмотрев, заметил несколько сильных ожогов на груди и спине. Здесь, на ошмётках почерневшего снега, они и просидели до конца пролива растащенных брёвен и иных дачных останков. Скоро кот перестал плакать и даже несколько раз лизнул хозяину руку. Иван внимательно посмотрел в страдальческие Емельяновы глаза и сам едва не заплакал от жалости и острого чувства несправедливости. Вполне привыкнув к боли, которую люди регулярно доставляют друг другу, так и не смог он свыкнуться с болью, которую куда чаще перемогают несправедливо обиженные человеком животные.

«Я клянусь тебе, Клушин! Тебе будет куда больнее, чем Емельяну. И, может быть, даже больнее, чем Мальве и её невинным товарищам», — пообещал вслух Иван, достал из кармана коробочку со шприцем и ампулой обезболивающего, которым нередко спасался сам от хаотичных приступов мигрени. Привычно обломав носик стекляшки, он всосал из неё поршнем два кубика прозрачной жидкости, осторожно оттянул коту шкуру на загривке и легко проткнул её тонкой иглой. Почти сразу Емельян заметно успокоился и даже блаженно обмяк.

Когда к ним подошёл милицейский капитан, Иван стал подниматься на ноги, размышляя, куда бы пока пристроить обгоревшего друга. Правильно оценив ситуацию, капитан не решился понукать погорельца, он присел рядом и стал терпеливо ждать. Потом Иван долго подписывал какие-то бумаги и односложно отвечал «да» или «нет». В заключение капитан, неторопливо прикуривая от какой-то стойкой головешки, как бы между прочим заметил Ивану:

— Товарищ майор, я понимаю, что вы тут первый сезон и по ходу серьёзных врагов вряд ли нажили, но факты — упрямая вещь. Это стопроцентный поджог. Мой эксперт даже

остатки горючки нашёл и на самом доме, и на остовах бани. И двери были с улицы подперты. Есть подозрение: поджигатели полагали, что вы не выходили из дому. Просто после вашего отъезда в город опять пошёл снег и быстро занёс все следы. На гараже у вас висел замок, а потому было непонятно — дома вы или в отъезде. Короче, налицо попытка убийства.

Иван согласно кивнул в ответ и с заметной усталостью заговорил:

— Враги... Их, мне кажется, нынче должен иметь каждый нормальный русский мужик, если он по природе своей не гнида или если его не купили... гниды. Я почти уверен, кто заказчик. Только вам-то это зачем? Подумайте, он из нынешних хозяев жизни...

В это время в милицейском «УАЗе» запустили двигатель. Рассеянный свет плохо отрегулированных фар выхватил прилипший к лапам ближайшей сосны заметно обгоревший по краям портрет, который, вероятно, поднял с пепелища усилившийся ветер. Вновь вознесённый событиями к небесам главнокомандующий наблюдал за происходящим внизу.

Ивану вспомнилась старинная гравюра, на которой рельефно были изображены две воюющие армии, некие уничтожающие друг дружку людские множества. А с самого неба на них величественно взирал бог войны. И не взирал даже, а что есть мочи дул, способствуя всеми силами распространению губительного огня непонятно из-за чего разразившейся брани.

По лицу капитана вновь пробежала тень понимания, он протянул Ивану руку и, кивнув как после только что достигнутого согласия, сказал громко и уверенно:

— Вы пока приходите в себя. Вон сосед вас уже давно зовёт. А я завтра-послезавтра позвоню. Думаю, мы найдём общий язык. Мы с вами, что ни говори, хоть и в разное время... один университет заканчивали.

А когда милиция уехала, Иван осторожно взял на руки Емельяна, окрикнул Николая, и они, вооружившись лопатой и фонариком, двинулись к опушке копать могилы для погибших животных.

Эпилог

Вернувшись с ручья, покормив и поласкав кота, Иван решил, что посвятит остаток дня приготовлению плова с курицей, которым Маша могла угощаться хоть каждый день. Он начистил и нарезал моркови, лука. Прожарив на медленном огне овощи, сверху насыпал около килограмма длиннозерного риса, долил казан до самого верха родниковой водой. Кура, приправленная чесноком и специями, готовилась отдельно — в тушилке. Иван не любил загодя смешивать: был уверен, что у риса своя судьба, а у курятины — своя. К тому же такой рис мог стать достойным гарниром не только к любому мясу, но и к рыбе.

Николай уже несколько раз выразительно пощёлкивал себя по горлу, но Иван упрямо просил потерпеть до стола и лучше — от греха — порезать салат. Наконец стол был накрыт, Иван разлил красное вино по бокалам, предложил тост:

— В конце прошлой осени сгорел наш старенький дом. Вместе с ним огонь забрал моих верных друзей. Слава богу, Емельян вот уцелел, — он погладил примостившегося на коленях кота. — Но мы обязательно уже этим летом выстроим новый. И в нём, надеюсь, ещё успе-

ют освоиться наши новые друзья, потому что все, кто мешал нам жить, сидят нынче в тюрьме. А больше врагов я постараюсь не заводить, потому что устал воевать, а ещё потому, что у меня появились молодые единомышленники... даже в милиции. За новый дом, за тебя, Коля, за нас с Емелей, за всё доброе, что было в старые времена, и за новое время для наших друзей! — Они дружно выпили.

Где-то далеко за лесом крикнул на стрелке очередной товарняк, а прямо над их головами принялась за своё знакомая своей редкой интонацией кукушка. Птица устроилась в аккурат на ветке, за которую зацепился во время минувшего пожара обгоревший по краям портрет. И карамельный, весь в подпалинах кот долго-долго тёрся о ноги двоих вдохновенных мужчин, которые терпеливо считали годы отпущенного оракулом времени.

Виктор Альбертович СБИТНЕВ —

прозаик, поэт, журналист.

Родился в Москве в 1955 г.

Окончил филологический факультет и аспирантуру

ЛГПИ им. Герцена.

Печатался в «Нашем современнике», «Литературной России»,

«Мире Севера», «Губернском доме» и др.

Автор трёх книг прозы.

Главный редактор

литературного альманаха «Костромской собеседник».

Лауреат литературной премии журнала «Север» за 2016 год.

Живёт в Костроме.

